

A person wearing a dark, fur-collared cloak and a hat walks away from the viewer down a narrow, mossy forest path. The path is flanked by large, ancient trees with thick, gnarled trunks and dense green foliage. In the distance, a bright, golden light emanates from a clearing, creating a strong backlight effect and illuminating the misty air. The overall atmosphere is mysterious and magical.

ДРЕВЛЯНЕ

Лес и пламя

АЛЕКСАНДР ТУРОВ

Александр Туров

Древляне. Лес и пламя

«Автор»

2026

Туров А.

Древляне. Лес и пламя / А. Туров — «Автор», 2026

Лес был сотворён как вызов божественной обыденности. Но в результате войны богов он достался людям — племени древлян, призванным сотворить здесь свою собственную историю. Теперь над Лесом сгущаются тучи, равновесие рушится, и ему грозит опасность. Героям предстоит сделать сложный выбор: утолить ли свой голод к власти и личной мести или принести всё в жертву ради спасения. Ибо цена спасения окажется равна цене жизни.

© Туров А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Часть I. Глава 1. Божественный лес.	5
Глава 2. Божественная война.	10
Глава 3. Из огня, да в полымя.	13
Глава 4. В Божественном лесу	20
Часть II. Глава 5. Совиный царь.	27
Глава 6. Даль дорога.	31
Глава 7. Ярополк в Древограде	35
Глава 8. Знакомство с Древоградом.	40
Глава 9. Поединок	49
Глава 10. Суд	52
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Александр Туров

Древляне. Лес и пламя

Часть I. Глава 1. Божественный лес.

Часть I.

Глава 1. Божественный лес.

История древлян. Сотворение Божественного леса, записанная Г.Ю.Л.

Велес, один из младших богов, томимый однообразием бесконечной жизни, воспылал жаждой творения. Долгие годы потратил молодой бог, пробуя творить, перебирая разные формы, пытаясь найти идеал. Не раз и не два он начинал сначала, полностью уничтожая уже созданное. Он упорно трудился, вкладывая всю божественную душу, и наконец у него получилось прекрасное творение. То было дерево, которое назвал он Дубом.

Воодушевившись, молодой бог продолжил творить, создавая другие деревья, отличавшиеся формой, размером, листьями и корой. Каждое было по-своему чудесно. Деревья были настоящими и живыми. От первых деревьев по земле пошли остальные деревья, трава и все растения. Так Велес сотворил Божественный лес.

Долгие годы он с высоты божьего предела наблюдал за лесом, любясь его разнообразием, могуществом крон и неповторимостью древесных узоров, все больше пленяясь идеей спуститься вниз. Но он не мог, поскольку старшим богом Сварогом строго настрого было запрещено спускаться на землю, дабы не уподобиться смертным, живущим на земле.

Угнетенный пустым божественным времяпрепровождением, он не справился с искушением и тайно спустился по Дубу на землю.

По мере того как земная твердь становилась все ближе, его начал преследовать странный звук, раздававшийся повсюду. Это он впервые услышал звук собственного сердца. От волнения его дыхание прерывалось, а ладони взмокли. Никогда раньше он не испытывал подобного.

Сступив на твердую землю, он первым делом вдохнул полной грудью. Лесной воздух был свеж и чист. Казалось, что его можно собрать в ладони, настолько он был насыщен разнообразными лесными ароматами.

Велес отринул все сомнения, наслаждаясь настоящим моментом, не думая о возможном наказании. Целый день он гулял по шелковистой траве, впитывая лесную красоту.

С этого дня молодой бог жил только моментами, когда удавалось тайно спуститься в лес. Он бродил в тени деревьев, рассматривая каждый изгиб, изучая дрожащий на ветру листочек, разговаривая с лесом и чувствуя себя по-настоящему живым.

Довольно быстро его секрет был обнаружен любопытной Мокошью, заинтересовавшейся, куда пропадает Велес. Она проследила за ним и увидела, как он спускается по Дубу. Не в силах справиться со своим любопытством, она не удержалась и отправилась вслед за ним, и ей открылся потрясающий Божественный лес во всей своей красе. Зачарованная красотой и нахлынувшими чувствами, она снова и снова спускалась вниз. Но чтобы Велес не увидел ее, она предпочитала лунные ночи дневному светиле.

Долго молодые боги наслаждались одиночеством в Божественном лесу. Но так продолжаться вечно не могло. Велесу становилось мало дневных прогулок, и он решил провести ночь в лесу. Всю ночь он бродил, всматриваясь в деревья, купающиеся в лунном серебре, в звездные отражения на темной поверхности озер, в бездонное небо, где его братья и сестры проживали свои бесконечные однообразные жизни.

В один момент волшебство безмолвной ночи было нарушено прекрасным пением. Удивленный, он двинулся на звук и обнаружил Мокошь, поющую под тоненькой рябиной, весело перебирающую нежными пальчиками веточку со спелыми алыми ягодами.

Сердце участилось, дыхание спёрло, и он почувствовал что-то пугающее, но в то же время невероятное для бессмертного бога. Испугавшись, он не осмелился показаться. Всю ночь Велес зачарованно наблюдал и слушал сказочное пение.

Вдохновленный услышанным, Бог создал из древесных листьев разнообразных певчих птиц, наделив их голосами, чтобы пение никогда не смолкало в лесу. Птицы разлетелись повсюду, радуя чудесными песнями.

Когда Мокошь спустилась вновь, она узнала свою песню в соловьиной трели, тогда ей стало ясно, что Велес узнал о её секрете. На заре, на том же самом месте, под стройной рябиной, два небесных жителя встретились, чтобы любовь навсегда поселилась в их божественных сердцах.

Преисполненные любовью, они продолжили творить вместе, делясь с лесом своими чувствами. Вместе они придумали волшебные цветы, раскидывая их по полям. Сотворили новые деревья и растения, украшая Божественный лес.

Наблюдая за ночным звездным небом им пришла идея создать лесных животных. Поражая сияющим на небе созвездиям, боги сотворили различных зверей, от маленькой мышки до большого медведя.

Лес, впитывая любовь двух божественных сердец, еще сильнее расцвел. Цветы распустились, из земли показались шляпки грибов, плодоносные кусты пригнулись к земле от тяжести созревших плодов и ягод. А в чреве Мокоши зародился Леший, хранитель и хозяин леса.

На южной окраине Божественного леса.

Под сенью невысоких деревьев пробирался древлянин по имени Ель, по прозвищу Сорока. Виною тому послужили белоснежные виски, окаймлявшие голову.

Он двигался легко, будто совершает послеобеденную прогулку. Аккуратно перешагивал цветы. Обходил ямы и заросли. Бережно отодвигал ветки-проказницы, так и норовившие зацепить и кольнуть зазевавшегося путника. Несмотря на внешнюю легкость, Ель выполнял важное дело. Он был хранителем Божественного леса.

Древляне тщательно оберегали лес от варварской вырубki, огня и непомерной охоты. Ель гордился, тем, что был хранителем. Он с удовольствием, под чарку любимой медовухи, часами рассказывал о лесе и о том, как важно его защищать.

Конечно, он немного приукрашивал опасность сего дела. Куда без этого. На самом же деле, его участок, не был богат дичью и ценной древесиной, поэтому за всё время в настоящей схватке он так и не поучаствовал. За долгие годы службы приходилось встречать лиходеев, но обычно они улепетывали быстрее, чем Ель успевал испугаться. Впрочем, о таких подробностях он умалчивал.

Вот уже шесть дней провёл он вдали от дома, обходя вверенный ему лес. Земля принадлежала Совинию, здешнему князю.

День клонился к завершению, а впереди ожидалась бессонная ночь. На заре он вернётся домой для заслуженного отдыха в объятиях любимой Любавушки.

Ель наслаждался, с любовью и неизменным любопытством наблюдая за лесным миром. Где-то в стороне проухала сова. Сверчки заводили свои симфонии. С нарядной берёзки мягко прыгнула пушистая рыжая белка, нежно приземляясь на молоденькую сосну. Ничто от него не было скрыто. Он замечал каждое движение, слышал любой шорох.

Ель, не любил торопиться. Уделял внимание и деревцу и травинке. Он мог часами заслушиваться птичьими песнями, напрочь забывая о делах, за что не единожды, был поругаем

Любавой. При этом он, как и любой древлянин, был отличным охотником и следопытом, умевшим читать лес, как открытую книгу.

Ель вёл свою размеренную жизнь, никуда не спеша, уподобляясь деревьям, медленно, но упорно тянувшимся к солнцу. Его не интересовало, что происходит за границами леса. Было достаточно многообразия лесного мира.

В животе заурчало, напоминая, что пора и перекусить. Как раз вовремя, подумал Ель, облизываясь в предвкушении. В скором времени по пути, на косогоре, ждала замечательная небольшая поляна, на которой растёт сочная черника.

Мысли о еде были резко оборваны. В уходящих солнечных лучах он заметил окровавленный лист черемухи. Голод улетучился, все чувства обострились. Под ногами раскрылась книга. Молодая косуля с телёнком. Судя по следам, животных что-то напугало. Телёнок прыгнул в одну сторону, а мать сделала внушительный прыжок в другую. Значит уводила опасность за собой.

Сердце забилося чаще. Древляне не охотятся на животных с детёнышами. Выхаживая след, опасения подтвердились. На мягком иле красноречиво кричали человеческие следы. Отпечаток был оставлен не древлянином, это было ясно как то, что солнце поднимается на востоке. Ель тяжело сглотнул и облокотился о дерево, чтобы перевести дух. В этот момент ветер принёс запах костра. Ноги подкосились от страха.

Не теряя больше ни секунды, он вынул поющую стрелу из полного колчана. Что было сил натянул тетиву, молясь, чтобы сигнал был услышан. С выдохом отправил певичку в темнеющее небо.

Поющая стрела с приятным шорохом устремилась на свободу, пытаясь забраться как можно выше. Зазвучал, волнуемый до дрожи, свист. Стрела, достигнув предела, замерла, судорожно разыскивая силы, чтобы пролететь ещё чуть-чуть, самую малость. Но, не найдя, лениво опрокинулась и устремилась вниз, исчезая из вида.

Ель неотрывно следил за полётом, боясь моргнуть. Глаза защищало от напряжения. Провистела камышовка. Переговорились лягушки, с трудом, переквакаявая стрекотню сверчков. Ответа на его сигнал не было. Теперь Елю предстоит решить, как поступить. Отправиться домой, как будто бы ничего не случилось, или пойти по следу.

Запах усилился. Он бросился бежать на запах, не успев придумать, что делать дальше. Под ногами всюду встречались следы злодеяния. Примятая окровавленная трава. Отточенными движениями он пробирался по лесу, практически не издавая звуков, перепрыгивая поваленные деревья, уклоняясь от сучьев и находя в сгущающейся темноте нужные проходимые пути. Ель двигался скрытно, как любой древлянин, с детства живущий в месте, где громкие шаги являются дурным тоном.

Запах раздражал нос, ввинчиваясь непрошеным гостем, разжигая ярость. Огонь злейший враг леса, и пользоваться им могут только Сварожичи.

Обоняние говорило, что он уже рядом, но глаза оставались слепы к врагу. Луна пришла незаметно на смену солнцу, и лес купался в сумерках. Спускаясь с небольшого холмика, он, не задумываясь, перемахнул через мелкую речушку, служившую границей, разделявшей земли Совиния и Святослава Серого.

Напрягая слух до предела, он расслышал шёпот. Он чуял и слышал врагов. Оставалось увидеть их в лицо. Грудь сдавило. Страх не позволял дышать. Захотелось повернуться и убежать домой, обнять Любаву и никогда не вспоминать об этом вечере. Он отогнал предательские мысли и взял себя в руки. Убежать - равно предательству. Выдохнул, стряхнул страх в землю, двумя руками крепко протёр глаза и двинулся вперёд.

Чтобы подойти незамеченным, Елю пришлось пробираться через заросли дикой малины. Ягоды налились соком, от тяжести клонились к земле, так и просили скорее их сорвать, освободив кусты от тяжелого вкусного бремени.

Продравшись через колючие кусты, он весь оцарапался, но не съел ни одной ягодки, совершенно забыв, что был ужасно голоден. Всё внимание в сторону опасности. Он спрятался за деревом, вплотную прислоняясь к покрытой изумрудным мхом мягкой поверхности.

На дальнем конце поляны, освещённые лунным светом, сидели две тёмные фигуры. У их ног полыхал костёр. Огонь был мал, поднимаясь из небольшой кучки сухих веток. Ель застыл на месте, боясь пошевелиться. Рядом с чужаками темнела туша косули. По всей видимости, они только приволокли её и намеревались плотно повечерять.

Ель слышал множество историй про хитрого и опасного огненного демона, притворявшегося маленьким милым огоньком, согревавшим оочеченевшие пальцы. Как только злой дух войдёт в твоё доверие, он разрастётся до огромных размеров и сожрёт всё вокруг. Огонь — враг, подвластный только Сварожичам.

Напротив укрытия, где спрятался Ель, послышался ворох и шум ломающихся веток. Лиходеи вскочили и пристально всматривались в тёмный лес. Лунный свет на мгновение осветил лицо одного из них. Это был немолодой человек с густой чёрной бородой и страшным шрамом, пролегающим наискось по всему лицу.

На поляну с треском вывалились запыхавшиеся люди князя Святослава, что было ясно по болтавшимся на шеях деревянным волчьим головам. Так, они подчёркивали связь с волками. Это были молодые горячие древляне, пренебрегавшие скрытностью и осторожностью, ни разу не встречавшие чужаков в лесу, оттого чрезмерно храбрые и уверенные в себе. В груди затеплилась надежда. Втроём больше шансов справиться с лиходеями.

Ель уже сделал шаг, чтобы выйти из укрытия, как вдруг лицо со шрамом резко выпустил из руки что-то, красиво блеснувшее в полёте и исчезнувшее в теле древлянина. Второй древлянин, совсем ещё мальчишка, удивлённо уставился на закачавшегося друга. Стрела с глухим звуком влетела в грудь молодого волчонка. Рубаха моментально окрасилась в багровый цвет.

Вместо того чтобы выйти из укрытия, Ель крепче обхватил дерево, глубже проникая пальцами в моховое покрытие, не в силах пошевелиться. Он вцепился зубами в руку, сдерживая крик, подступивший к горлу. Ужасно громкий стук сердца бил по ушам, выдавая всему лесу, что он прячется и всё видел. Не в силах больше ждать, когда его обнаружат, он бросился бежать. Не оглядываясь и не разбирая дороги.

Он бежал, пока мир не потух.

У ног Гая, обутых в лучшие кожаные сапоги, которые можно было достать в Петрополисе, лежал окровавленный лесной человек.

До того, как очутиться возле его ног, древлянин, неожиданно выскочил прямо перед носом здорового Марка, что было ошибкой. Марк как положено сперва бил, потом думал. Удар пришёлся точно в лицо.

Вслед за ним появились те, кого он искал, два брата, Титус и Маркус. Они долго, пряча глаза, пытались рассказать, что тут происходит. Братья никогда не отличались умом и сообразительностью. Волнуясь, они перебивали друг друга. Ничего путного из их сбивчивой речи выяснить не получилось. Только после внушительных оплеух от Марка, они наконец смогли объяснить, что произошло.

— Мы, это самое, проверяли болота, как положено, — почесал голову Титус.

— Когда шли в лагерь навстречу вышла лань. Ну, это, мы и подстрелили её. — развёл руками Маркус.

— Чтобы принести всем — на ходу придумал Титус.

Вот болваны. Гай с трудом сдержал эмоции. Он накажет их позже. Нельзя выносить сор из избы.

— Этих — он указал пальцем на Титуса и Маркуса — взять под стражу. Лесного человека связать и взять с собой — распорядился Гай. В этот раз, им повезло. Чем дольше местные не знают о них, тем лучше.

Гай второй месяц жил на окраине отвратительного леса. Где-то далеко остался его любимый Петрополис. Оплот цивилизации, науки и торговли, лучший город на всем белом свете.

Причина, по которой он торчал здесь, словно дикарь, заключалась в красных болотах. Точнее не сами болота являлись причиной, а то, что было сокрыто в них. И как он недавно убедился, спрятано в них было настоящее сокровище.

Невольно на лице появилась улыбка. Он точно хорошо заработает. Осталось дожидаться, когда Латиния пришлёт армию, чтобы захватить и выжать богатые земли до последней капли.

При мысли о богатстве, внутри все зашекетало от удовольствия. Он с толком потратит деньги. Будет пить дорогое вино и наслаждаться высшим светом. Перед его взором, неспрошено, как комар, всплыл уютный домик. Внутри большая библиотека с заполненными стеллажами свитков. Вино и знания, что ещё нужно просвещённому человеку.

Жжение вернуло его в действительность. Витая в облаках, он случайно хватанул крапиву. Проклятый лес, разозлился Гай, осматривая надувшиеся волдыри.

Глава 2. Божественная война.

Велес и Мокошь все меньше оставались в небесной обители, предпочитая пропадать в своём мире, воспитывая сына, что долго не могло оставаться незамеченным.

Перун, бог молний, отец всех воинов, покровитель княжеской власти и дружины, сильнейший и храбрейший, давно пылавший страстью к Мокоши, единственной из богинь, не ответившей взаимностью, проследил за ней и узнал о лесном секрете. Не осмелившись самому нарушить запрет, он со злобой наблюдал за ничтожной земной любовью между богами, опустившимися до смертных.

Разгневавшись, Перун подговорил других богов, раскрыв завесу тайны Велеса и Мокоши, погрязших в человеческих низших чувствах. Боги, не способные понять их чувства, поддались на речи Перуна и согласились помочь ему.

Объединившись, боги хитростью выманили влюблённых, заманив в небесный чертог. В это время, исполняя свой коварный план, они рассыпали в Божественном лесу созданные в зависти и злобе трясины и болота, ядовитые и жгучие травы, ползущих и кровососущих гадов, буреломы и чащи, куда не проникает солнечный свет.

Не остановившись на содеянном, бог молний поведал людям о месте, в котором еда в изобилии растёт на деревьях, земля усеяна грибами, а вокруг гуляет множество дичи.

Вернувшись в лес, Велес не узнал своего творенья. Кругом буреломы, чащи и болота, от которых веяло божественным духом его братьев и сестер.

Ярость вскипела в нём, и пошёл он войной на богов, надругавшихся над его творением. И была жестокая сеча между братьями и сестрами, отчего огненные искры сыпались с неба. Искры, падая на землю, поджигали лес, и пошёл великою стеною огонь, уничтожая всё на земле.

Мокошь, в страхе за своё дитя, спрятанное в лесу, призналась и рассказала обо всём Сварогу, чтобы он остановил войну, из-за которой вся земля поыхала.

Мудрейший Сварог, хранитель небесного чертога, узнав про свору детей, велел немедленно остановить битву. Младшие боги, не в силах послушаться, прекратили битву. Старший бог строго наказал каждого, лишая былой силы отпрысков своих вдыхать искру жизни в свои творения.

Особенно сурового Сварог обошелся с Велесом, первым нарушившего запрет спускаться на землю. Отныне и во веки создателю леса было запрещено ступать на землю.

Пострадавшим людям было разрешено поселиться в уцелевшей части Божественного леса, чтобы они смогли выжить и продолжить свой род.

Несмотря на всю строгость наказания, Сварог, единственный из богов осознал и принял, что между Велесом и Мокошью настоящая любовь. Старший бог позволил молодым богам быть вместе в небесном чертоге. Но не разрешил Сварог забрать с собой в небесную обитель Лешего, рожденного на земле.

Велес, принявший с честью наказание, строго велел людям оберегать лес, заботиться о нём, брать только то, что необходимо, и, самое главное, не пользоваться огнём, почти полностью пожравшим его творение.

Так в Божественном лесу появились люди, названные древлянами, чтобы жить в мире и согласии с природой, под присмотром сына Велеса и Мокоши, хранителя и хозяина леса Лешего.

История древлян. Появление древлян в Божественном лесу. Записано Г.Ю.Л.

Разломное вече.

Много ли времени прошло, иль мало, в Божественном лесу случилось великое горе. В лес вторглись чужаки, прозванные змеиным народом за шипящую речь. Пришли они неизвестно откуда, неся с собой огонь и смерть. Они уничтожали лес и зверей, угоняли древлян в рабство, разграбляли поселения.

Казалось, не было спасения для древлян. Молитвы Велесу не приносили побед на ратном поле. Леший со своими духами не мог справиться в одиночку со змеиной армией.

В отчаянии потомок первых древлян Кир взмолился могучему Перуну, прося о помощи на ратном поле. Бог услышал мольбу Кира и, помня старую незажившую обиду, причиненную ему Велесом и Мокошью, согласился прийти на помощь древлянам в обмен на их верность и поклонение.

Кир крепко задумался, не понимая, как он сможет убедить сородичей забыть Велеса и поклоняться Перуну, но делать было нечего — змеиный народ наступал, и он согласился.

Перун, покровитель воинов, благословил дружину Кира и велел идти в бой. Объединенные силы древлян столкнулись со змеиным народом в решающей битве. Никто не мог одержать победы. Три дня и три ночи без устали бились две силы.

На четвертое утро небо заволокли темно-фиолетовые тучи, погружая мир во тьму. Дружина Кира бросилась в атаку, сокрушая испугавшегося врага. Молнии разрезали небо и били во вражескую армию, уничтожая змеиных воителей. Чувствуя поддержку грозного бога, древляне наголову разбили змеиный народ, а Кир получил имя Змееборца.

Когда настало время отдавать долги, Кир не знал, как убедить всех древлян забыть создателя Божественного леса. Задача казалась невыполнимой.

В отчаянии Кир ушел из поселения, чтобы в одиночестве обдумать, как ему поступить. Бродя в безжизненных местах, подальше от людей и зверей, раздумывая над тем, как исполнить клятву, он случайно наткнулся на старика, завернутого в балахон. Он уже собирался пройти мимо, как тот окликнул Кира Змееборца.

Старик как будто специально поджидал Кира в этом месте. Он откинул балахон, показывая свое худое лицо, похожее на скелет. Его руки и лысая голова были покрыты черной сажей.

Звали таинственного старика Волх Всеславьевич. Кир узнал его. Раньше он жил в поселении древлян, но уже много лет назад ушел, и никто его не видел. В памяти Кира он сохранился нелюдимым древлянином, ведущим затворнический образ жизни, не участвующим в общественной жизни. Народ шептался, что Волх не признает бога Велеса и поклоняется другим богам. Кир не верил в народную молву, но неслучайная встреча заставила повнимательнее присмотреться к бывшему соплеменнику.

Волх Всеславьевич пообещал помочь Змееборцу, удивив лесного героя. Кир никому не сообщал о своем соглашении с Перуном. Волх поведал, что в Божественном лесу есть место, где обитает священный огонь, который никогда не гаснет. С помощью огня они смогут свергнуть Велеса и обратить древлян в веру бога молний Перуна.

Слова Волха всколыхнули внутренний огонь Змееборца. Вот именно то, что поможет выполнить клятву перед Перуном. Не иначе как боги послали Волха к нему навстречу.

Но Всеславьевич оказался не так прост. Он потребовал великую плату за свою помощь: выдать дочь Кира замуж за него, дабы породниться со Змееборцом.

Услышанное поразило Кира. Ярость забурилась, в глазах все потемнело, и он неминуемо убил бы наглеца. Рука с любимой булавой взметнулась, чтобы разmozжить черную голову, но в последний момент Кир увидел, как где-то на востоке, молнии бесшумно разрезают небо. Среди сполохов он смог разглядеть лик грозного бога.

Рука ослабла, и дубина выпала. Глухой звук долго эхом отражался в его голове. Горькие слезы потекли в густую бороду.

В отчаянии Кир согласился, оставляя в тайнике души надежду, что у Волха ничего не получится и его дочь не станет разменной монетой в этой игре.

Они договорились, что Змееборец соберет вече, где каждому древлянину дано право говорить. В самый нужный момент, когда Кир подаст сигнал, вот тогда Волх явится на вече и принесет с собой огонь. С его помощью они убедят древлян в своих словах. Чтобы Леший не помешал их планам, Волх отвлечет внимание хранителя пожарами на окраинах леса.

За время войны со змеиным народом Волх приютил множество древлян, бросивших свои дома, в страхе убежавших от супостатов. Ко времени встречи с Киром под покровительством Всеславьевича было немало верных слуг. Стали именовать себя они - Сварожичи.

Как условились заговорщики, так Кир и поступил. Собрал вече и озвучил волю Перуна стать верховным богом для древлян, чтобы вести сильной рукой за собой это племя.

Народ роптал, боялся крамольных речей, но многие прислушались, ведь произносил их герой Кир Змееборец, одолевший змеиное племя.

Кир уже почти уверовал, что справится сам и не придется прибегать к помощи темного старика, как перед народом выступил Мир Совинович. Сердце Кира ухнуло при виде поднимающегося дуга.

Мир Совинович был главным охотником и добытчиком племени. Носитель древних знаний о лесе и животных, названный брат Кира. Его нашли маленьким ребенком в лесу, и считалось, что в его жилах течет звериная кровь. Иначе как было объяснить, что он мог понимать всех обитателей леса.

Кир не слышал, что говорит губитель последней надежды на спасение дочери. Он только видел, как лица древлян меняются. Смахнув слезу, Кир подал знак.

Волх Всеславьевич в окружении последователей, закутанных в балахоны сварожичей, вышел из леса, высоко неся над собой пламя. Мужчины в ужасе отходили от злого огненного языка, прикрывая собой детей. Бабы жалобно негромко монотонно заголосили, не осмеливаясь кричать во все горло. Впервые, народ воочию увидел, как древлянин управлял огнем, что было противоестественно, как заяц гонится за волком.

— Зрите, лесные люди! Вот свидетельство того, что Велес покинул вас! — принялся он размахивать пламенем, устрояя народ. После чего поджег факелы своих последователей, озаряя багрянным светом напуганный люд.

— Примите с благодарностью и покорностью верховенство Перуна! - загремел Волх во все горло, злобно всматриваясь в лица ошеломленных древлян.

Древляне затихли, сосредоточив все взгляды на Кире, ожидая слов героя. Никто не смел пошевелиться, опасаясь огня. Змееборец произнес то, что должен был, разрываясь от душевной боли за свою любимую дочь.

Над вече стояла мертвая тишина, только шелест огня, проносился над некогда единым народом. Первоначальные основы, скреплявшие единый народ дали трещину. Древляне посмотрели друг на друга по особенному, как-будто впервые и каждый из присутствующих сделал свой выбор.

Так древляне разделились. Те, кто поверил в слова Кира, героя войны с змеиным народом, сделали шаг к свету, излучаемому огнем и остались вместе с Змееборцем. Те, кто был решительно против, сделали шаг назад, скрываясь в ночи, чтобы уйти в предгорье на север, вместе с Миром Совиновичем.

История Разломного вече. Записано Г.Ю.Л.

Глава 3. Из огня, да в полымя.

Ель с трудом открыл глаза, моментально жалея об этом. Острая боль пронзила голову. Казалось, что в ноздри вставили по шишке, из-за чего вздохнуть не получалось. Во рту чувствовался металлический привкус крови.

Мир расплывался. Он не мог понять, где он. Стоило прикрыть глаза, становилось ещё хуже. Перед глазами повторилась сцена убийства. Его стошнило. Слёзы покатались по засохшей крови на щеках.

Он снова провалился в темноту. Где-то на поверхности сознания до его слуха долетали обрывки непонятных слов. Желудок снова скрутило, но в этот раз его не вырвало.

Ель сделал над собой усилие, чтобы открыть глаза. В нескольких шагах беззаботно плясало большое красное пламя, освещаая неестественным светом чужаков, собравшихся вокруг костра.

Огонь, почувствовав на себе взгляд, принялся задорно выплясывать свои дикие танцы, завораживая Еля. Он стал взывать к Велесу, к Мокоши, ко всем богам о помощи.

— Здрав будь, лесной человек. Не бойся, мы не причиним тебе вреда, — на мгновение он даже подумал, что случилось чудо и боги ответили. Как же он ошибся. Перед ним возвышался молодой безбородый чужак. Сердце учащённо забилося, Ель потерял дар речи. Откуда поганец знает язык древлян? В этот момент из костра вылетел сноп красно-синих искр, окончательно сводя с ума.

— Как твоё имя? — подойдя ближе, спросил безбородый. В голосе чувствовалась сила, но в то же время от него пока не исходило никакой угрозы.

Ель недоверчиво посмотрел на парня, всё ещё не веря в происходящее. Мысли кузнечиками скакали в голове, не позволяя решить, что же делать.

— Не бойся, лесной человек, мы не враги, — он приложил руку к груди и сказал: — Меня зовут Гай, — и вопросительно уставился на молчаливого собеседника.

— Ель, — негромко произнёс он своё имя.

На безбородом лице растянулась приветливая улыбка. Возле костра раздался оглушительный хохот. Народ, сидевший там, заметно отличался от Гая. То были крепкие и бородатые мужчины, смахивающие на тех, кто убил молодых волков. Из-за света костра они казались уродливыми и кривыми, с непропорциональными телами. От увиденного мороз пробрал по коже.

Безбородый во второй раз удивил Еля. Резко обернувшись назад, он выплюнул неизвестное слово, похожее на рык, успокаивая шумящую ватагу. Обернувшись, как ни в чём не бывало, он продолжил расспрашивать Еля.

— Древлянин, поведай, что тебя так напугало? — Гай весь подсобрался, напрягая всё тело, что не осталось незамеченным.

— Откуда ты знаешь мой язык? — вместо ответа Ель задал свой вопрос.

— Я знаю много языков, — Гай всем видом показывал, что ждёт ответ на свой вопрос.

Ель тяжело сглотнул. Он вдруг осознал, что не помнит, как именно оказался тут. Почему у него разбито лицо? Ещё раз бросив взгляд на сидевших возле костра, со страхом всматриваясь в их страшные лица.

— Я бежал... от поражённого пеной медведя, — хоть он и не разглядел убийц, говорить правду он не решился.

— Что значит «поражённого пеной»? — уточнил Гай.

Поморщившись от боли, Ель пояснил, что в лесу встречаются животные, изо рта которых течёт чёрная слюна. Такие звери опасны и агрессивны. Укусит — и ты умрёшь мучительной смертью. К сожалению, в лесу всё чаще встречались подобные случаи.

По лицу Гая было совершенно непонятно, поверил ли он ему. Теперь настал черёд получить ответы на свои вопросы, и Ель спросил, где он и почему его лицо разбито.

— Мы нашли тебя по дороге, возле леса. Ты лежал в крови без сознания — не моргнув, ответил Гай.

От услышанного Ель словно вновь получил удар по голове. Как возле леса? Всё закрутилось и завертелось, а воздуха стало остро не хватать. Он попытался подняться на ноги. Ватные и слабые они сильно потрясывались.

— Тебе лучше не подниматься, ты ещё слаб. Отдохни, потом пойдём к огню, мы с удовольствием преломим с тобой хлеб, — предложил безбородый, внимательно всматриваясь в лицо Еля, и показывая рукой в сторону костра.

К огню? — только и расслышал Ель. Он вжался спиной в дерево, лицо его побелело, и он практически заново упал в обморок. В этот момент, цепляясь когтями за реальность, он почувствовал силу, пульсирующую в древе.

— Хозяин, прими мой дар, — неторопливый воздушный голос раздался где-то на краю его сознания.

Всё происходило словно не с ним. Он был всего лишь сторонним наблюдателем. Ель слышал собственный голос, произносящий «да» на языке леса, на котором говорили далёкие предки, которого он до этого не знал.

В этот же момент по телу прокатилось приятное покалывание. Сила, древняя как лес, потекла по его венам, наполняя накопленной солнечной энергией и прохладой ароматной земли. Ель ощутил себя гораздо лучше и свежее, будто он наконец выспался после длинных ходовых дней. Его тело наполнилось силой, настолько знакомой, что сердце защемило от тоски. Не той, когда хочется выть комом, а другой: тёплой, давно потерянной, но такой родной. Как вернуться домой.

Перед лицом появился Гай, озабоченно всматриваясь в него. Его сильные руки потряхивали Еля. Губы открывались, но слов он не слышал, как будто находился под водой.

—Ел... ль... бой... — долетели обрывки его слов.

Чужаки у костра громко посмеивались, тыча пальцами в его сторону. Поток силы оборвался, и он полностью вернулся в жестокую реальность.

Ель, почувствовавший себя гораздо лучше, поднялся и спросил:

— Отчего твои люди смеются?

— Ты упал в обморок, когда я позвал тебя к костру. Для нас такая реакция непривычна.

Обида неприятно впиалась под кожу, как иголка от красавицы-ёлки. Значит, это было всё-таки навождение, никакого голоса леса он не слышал.

Из темноты появились ещё люди, вооружённые короткими мечами и закутанные в плащи. Один из них подошёл к Гаю и принялся нервно о чём-то расспрашивать, размахивая перед носом безбородого рукой. Ель не понимал язык чужаков, но он был уверен, что они обсуждают его.

Усыпляемый незнакомой речью, его взгляд приковался к огню. Пламя, яркое и чёткое, завлекло всё его внимание, погружая весь остальной мир в дымку. Красные языки с жадностью облизывали большое бревно. О, боги, по телу опять пробежался мороз. Ему нужно выбираться отсюда, если он хочет ещё раз встретиться с Любовью.

В воздухе заухала сова. Крик ночной ушастой охотницы вернул Еля обратно из своих мыслей. Гай и подошедший чужак продолжали о чём-то горячо спорить. Нужно бежать сейчас, пока все отвлечены.

Ель бросился прочь. Ветер засвистел в ушах, заглушая крики странных людей, не сразу сообразивших, что он исчез.

Он вовремя среагировал на короткий блеск, на секунду сверкнувший в темноте. Стрела с шипением приземлилась в том месте, где он должен был быть, пересекая путь домой. Со

всех сторон его окружали чужаки. Их лица были полны гнева, как будто он совершил нечто ужасное. Бежать не было смысла.

Гай возник рядом, размахивая руками перед вооружёнными людьми, преграждая им путь. Часть чужаков сразу послушались и убрали оружие, а те, кто был одет в плащи, только пренебрежительно на него посмотрели, не собираясь подчиняться.

— Зачем ты побежал? — гневно закричал на него Гай. — Теперь они тебя точно не отпустят.

Подхватив под мышки, Еля привели обратно и посадили на бревно рядом с пылающим костром. Лицо обожгло горячим дыханием пламени. Испугавшись, он одёрнулся и попытался вырваться, лишь бы убраться куда подальше. Однако все попытки были пресечены, его крепко схватили и грубо держали за плечи.

Никогда в жизни Ель не сидел так близко к костру. От пламени потрескивали дрова. Искры разлетались в стороны. В землях Совиния, где до сих пор почитали Велеса, огонь вообще не использовался, соблюдая запрет создателя. В другой части леса огонь — привилегия князей и зажиточных древлян, способных заплатить сварожичам.

Оказавшись на расстоянии вытянутой ноги от пламени, он чувствовал собственной кожей обжигающие прикосновения злого огня. Пламя было голодно, оно просило еды, ещё и ещё. Повинуясь, ему тут же подбросили дров, кормя ненасытного демона.

К Елю подсел Гай и что-то пытался объяснить, но тот его не слышал и не понимал, зачарованный языками пламени. Огонь с жадностью поглощал свою жертву, так услужливо поднесённую кем-то из слуг.

Не оставалось сомнений, что Ель не выберется живым. От близости смерти ничего внутри не произошло, он остался безучастным, полностью поглощённым пляской сине-красных языков пламени.

Уханье совы раздалось совсем близко и громко, словно птица была совсем рядом, спрятавшись в кроне ближайшего дерева и наблюдая за странной компанией.

Все, кроме Еля, завертели головами, желая увидеть диковинную птицу, пугающую своим «ууух». Но вместо птицы нашли погибель. Из темноты одна за другой зашелестели стрелы, с жадностью находя цели, впиваясь в плоть и напиваясь горячей кровью.

Началась страшнейшая суматоха: со всех сторон закричали, затопали ногами, прозвучал лязг оружия и глухой звук падающих мёртвых тел.

Только тогда Ель смог избавиться от наваждения пламени. Он бросился на крутившего головой Гая, придавливая своим телом, закрывая от опасности. Как же он сразу не догадался, что неестественное «ууух», одинаково повторявшееся на протяжении всей ночи, было не криком совы.

Ель, приподняв голову, заметил, как к ним мчится бородач, расталкивая своих дружинников, падающих один за другим от смертельных стрел. Только бородач упорно бежал в его сторону. Первая стрела вонзилась ему в плечо, но он ее даже не заметил, продолжая свой путь. Вторая и третья попали в спину, и только тогда здоровяк упал, но продолжил ползти, вырывая траву из земли. Из его кровавых губ доносились звуки, похожие на «Дай» или «Вай». «Гай», догадался Ель. Он умирал с именем юноши на устах.

Через пять ударов сердца наступила полнейшая тишина. Из темноты один за другим появлялись закутанные в плащи древляне в плотно накинутах на головы капюшонах с вышитыми кругами, символом князя Совиния.

— Древлянин, ты цел? — Из появившихся людей леса вперёд вышел высокий мужчина. Подойдя ближе, он не спеша снял капюшон, открывая красивое вытянутое лицо, обрамлённое светлыми волосами.

— Да, я в порядке, — ответил Ель, поднимаясь. Гай остался лежать, не смея пошевелиться. Его глаза наполнились страхом, губы тряслись, как хвост у трясогузки.

— Кого ты прикрыл своим телом? — распевая слова, спросил древлянин, свысока смотря на лежавшего Гая.

Ель ещё раз внимательно посмотрел на лежавшего у его ног безбородого, которому он только что спас жизнь. Он и сам не знал, что побудило его сделать этот шаг.

— Его зовут Гай, он знает наш язык, — через паузу продолжил. — Он не враг нам.

— Перед тобой Совиний, потомок Мира Совиновича, — кто-то из стоявших поодаль представил князя, его господина.

Впервые в жизни Ель увидел своего князя. Он сделал приветственный жест древлян, переплетая пальцы на груди и наклоняя голову в поклоне.

— Я Ель, хранитель южных земель, — представился он.

— Ты ещё объяснишь, что ты делал здесь, а пока не мешайся, — Совиний неспеша обернулся к своим людям и распорядился следить за пленным, чтобы он никуда не делся.

Ель покорно отступил в сторону. Никогда ранее он не разговаривал с князем. Слишком много чего произошло сегодня «в первый раз», устало подумал Ель.

Совы делали всё быстро. Кто-то собирал выпущенные стрелы, кто-то рылся в вещах убитых в поисках ценностей. Остальные тушили костёр, закидывая землёй.

Гая подняли за подмышки и поволокли в сторону леса. Он не сопротивлялся, оставляя ногами змееподобные следы на земле.

Когда они закончили, Ель получил команду следовать за ними и не отставать, что оказалось нелёгкой задачей. Пробираясь по ночному лесу, совы демонстрировали удивительную скорость, даже для Сороки, считавшего себя непревзойдённым ходоком по ночному лесу.

Пытаясь не отстать от ночных спасителей, у него не было времени подумать о случившемся и о своей роли во всём произошедшем. Силы были на исходе, и он думал лишь о том, как не отстать. Поэтому он не сразу заметил, что лес изменился. Всё больше кедров, лиственниц и сосен окружали бегущих людей. Пологая и болотистая местность уступила место предгорью и возвышенностям, всё выше и выше забирались они.

Между деревьев Ель увидел громады гор, опоясывающих всю линию горизонта. На далёких вершинах блестели вечно белые шапки. Завороженный масштабами гор, он не заметил, как начался очередной спуск. Из-под лаптей водопад камней устремился вниз, завлекая невнимательного Еля за собой. Только в последний момент сильная рука удержала мужчину от неминуемой смерти.

Один за другим витязи Совиния спускаются по диагонали, расставляя широко руки в сторону, словно совы, удерживая равновесие на изменчивой каменной поверхности.

Вытирая пот с лица, Ель решает довериться и повторить вслед за ними. Других вариантов у него нет. Делая с замиранием седца шаг, второй — и вот он уже летит, мельтеша руками, быстро перебирая ногами в одну сторону, затем в другую. Ветер хлещет по лицу, каменная река ворчит под ногами, а ему весело, он чувствует настоящий полёт. Сорока научилась летать.

Спустившись, они оказались в уютной затенённой долине. Вода из горной реки морозила до боли, но после такого забега доставляла неимоверное удовольствие и придавала сил.

Отдышавшись, Ель услышал сигналы, точно такие, которые он слышал на окраине леса и спутал с криками совы. Все, как один, поднимаются и бегут дальше в сторону величественных каменных исполинов, оканчивающих видимый мир. И он тоже поднимается и бежит. Свежий ветер приносит с собой прохладу горных вершин.

Когда солнце прошло половину своего дневного пути, на фоне снежных гор он увидел Совиград, главный град северной части Божественного леса!

Совиград представлял собой длинный вытянутый холм, на возвышении которого виднелся княжеский терем. Подступ к граду защищали сосны-великаны и раскиданные повсюду валуны, покрытые мхом.

Чтобы оказаться в граде, нужно пройти через Неделимый проход, представляющий собой две могучие древние сосны, в два взрослых обхвата каждая. Высоко вверх, у небесного основания, две сосны сплетены в единое дерево, оттого данный проход был назван Неделимым.

Ель представить себе не мог, что увидит собственными глазами Неделимый проход. Ноги сами остановились, чтобы он смог полюбоваться древесным чудом. Пришлось круто запрокидывать голову, чтобы рассмотреть соединение деревьев.

По легенде, в далёкие времена, когда люди ещё не жили в Божественном лесу, а деревья разговаривали между собой, две сосны, вдохновившись любовью Велеса и Мокоши, навсегда слились в одно дерево. Даже деревья были способны на настоящую любовь, - подумал Ель, и от этих мыслей сердце неприятно заныло. Он вспомнил о Любаве.

В разные стороны от прохода были разбросаны большие валуны, создавая подобие стены вплоть до густого леса. Это не позволяло войти в город, минуя проход.

Дозорные при виде отряда подтянулись на местах, молчаливо запуская отряд в Совиград.

Город вытягивался вверх. Отовсюду виднелись горы. Сразу же пошли дома, плотно прилепленные к старинным деревьям. Дома были добротные, почти не было видно землянок, все срубы, причём много свежих.

Все взоры неизменно направлялись на скалистый уступ, на котором красовался кедр-прародитель, заметно возвышавшийся над окружающим лесом. Сосны от мала до велика облепили ветви первородного дерева.

Кедр, как и любое дерево-прародитель, плодоносил не обычными шишками. Шишки кедра были из чистого золота и серебра, а орешки — блестящие изумруды. Дерево плодоносило не каждый год. Всё реже и реже появлялись драгоценные шишки.

Ближе к кедру росли первые потомки кедра-прародителя. На деревьях были искусно сооружены захватывающие дух дома знатнейших слуг князя. Стволы деревьев обвивались винтовыми ступенями, по которым спускались почтенные древляне, представляя себя богами, спускавшимися на землю.

Ель зачарованно рассматривал город, от удовольствия раскрыв рот. Но вдруг его отвлекла огромная тень, которая накрыла его со спины, заставляя поёжиться.

Тень отбрасывал человек, напоминающий ожившее дерево. Одет он был в обычную серую рубаху, закатанную по локоть. На грозном лице блестели большие добрые глаза, как два бездонных синих озера, подчёркнутые пушистыми лохматыми бровями, сложенными в домик.

— Беляй, здрав будь, — поприветствовал незнакомец древлянина, спасшего Еля на каменной реке. В ответ Беляй молча кивнул головой, складывая переплетённые пальцы у груди, что называлось у древлян корневым жестом.

— Приветствую и тебя, Ель Сорока. Тебе надобно проследовать за мной, — незнакомец сразу развернулся и уверенно зашагал огромными шагами. Елю оставалось только подчиниться. Но он не мог не поблагодарить своих спасителей, дважды спасших ему жизнь. Он обернулся к совам и каждому выказал знак уважения, выполняя корневой жест.

В ответ Беляй пожелал, чтобы боги не переставали за ним наблюдать и помогать. Они отправились в другую сторону, а Ель бросился догонять уже далеко ушедшего деревopodobного человека.

Гигант, не сбавляя ход, быстрыми шагами поднимался на холм, покрытый фиолетовыми ирисами. В нос тут же ударил запах сочных цветов, разбавляя стоявший внизу хвойный смолянистый запах кедров. От сочетания запахов у Еля закружилась голова. Сознание слегка помутнилось от лёгкого дурмана, согревающего душу.

Выше открывался чудесный вид на долину. Где-то на юге остался его дом, с тоской отметил Ель. С противоположной стороны холма негромко шумела горная река, уходящая вглубь леса.

На холме уютно расположился княжеский терем. Внешне он совершенно не соответствовал богатым домам-деревьям, которые находились внизу. Это был обычный сруб из толстого бруса. Крыша покрыта еловыми ветками. А над входом красуется искусно вырезанная из дерева сова, символ князя.

Еля провели внутрь, где царил полумрак. В дальнем конце, на возвышении, восседал Совиний в белой льняной рубахе. Посередине груди красовались два больших круга, знак совиного князя.

Даже на расстоянии от точеной фигуры исходила сила. Хотелось упасть на колени и смотреть в ноги. Ель отогнал ужасные мысли: древляне ни перед кем не преклоняют колен.

- Благодарю, Владислав - обратился князь к гиганту.

Владислав отошёл в сторону, скрываясь во мраке, оставляя Еля одного напротив князя. Страх и любопытство расползались по всему телу мелкими мурашками. Одновременно хотелось плакать и смеяться от всех произошедших с ним событий. Кто бы мог подумать, что столь ужасные события приведут его в Совиград к самому князю Совинию.

Князь внимательно рассматривал Еля, причиняя тому невыносимую муку стоять в роли неподвижного предмета для любования. А ведь он был покрыт грязью и кровью. Его лапти держались из последних сил, а рубаха была порвана во множестве мест.

— Ель, по прозвищу Сорока, поведай мне, как хранитель моих земель оказался схвачен лиходеями? — вопрос прозвучал тихо.

Ель, боясь что-то упустить, приподнялся на цыпочках, вытягивая шею, улавливая каждый звук. Вопрос поставил его в тупик. Действительно, как его занесло за лес? События ураганной ночи не сразу выстроились в ряд. Захотелось провалиться на этом самом месте.

— Я не знаю, — наконец он пересилил страх и произнёс первые слова, что оказалось самым сложным. Дальше — легче. — Страх гнал меня как зверя, и я бежал, не разбирая дороги, пока темнота не поглотила меня.

— Чем или кем был вызван твой страх?

Ель открыл рот, но слова не сразу вышли наружу, боясь оказаться в жестоком мире. Страх скользкой змейкой проник под кожу, заполняя всё дальше внутрь его души. При воспоминании увиденного живот сворачивало от боли.

— Жестоким убийством, — брови Совиния на миг приподнялись. — На моих глазах были убиты два древлянина, — слова раздались слишком громко, оглашая гулким эхом своды зала.

— Тяжёлые слова упали с уст твоих, — Совиний продолжал неспеша задавать вопросы, причиняя моральную боль уставшему Елю. — Расскажи подробнее!

— Я по следу вышел на лиходеев. Они убили косулю. Разжигали огонь, — впервые услышав свои же слова, он с трудом мог поверить в произошедшее. — Я первым обнаружил чужаков, а затем появились люди Святослава Серого. Мне повезло больше, я наблюдал из-за укрытия, а волки вывалились прямиком на лиходеев и были... были хладнокровно убиты, — свои же слова показались липкими и жалкими. Почему он сейчас стоит живой, а два других древлянина нет?

Совиний немного приподнялся, чуть поддавшись вперёд, внимательно слушая ответ. После чего занял прежнее положение, прикоснувшись тонкими длинными пальцами к вискам.

Молчание затягивалось. Совиний в глубокой задумчивости сидел долго, отчего у Еля окоченели ноги и заныла спина. Но он не шевелился, боясь потревожить думу князя.

— Хорошо, — прошелестел Совиний. Его голос напоминал шорох осенних листьев. — Сейчас Владислав отведёт тебя в избу, чтобы ты выпался, а я пока решу, что делать дальше.

Владислав бесшумно появился из темноты. Кивком головы показывая следовать за ним. Ель выполнил традиционный жест древлян — символ переплетённого корня — и вышел вслед за Владиславом, трепеща от происходящего.

Дневной свет резанул глаза, мир утонул в возникших разноцветных кружевах. Воздух, наполненный снежной прохладой, воодушевлённо и с удовольствием наполнил лёгкие Еля. Казалось, что не требовалось даже дышать. Воздух сам наполнял тебя. Было что-то игривое в местной природе. Лес вокруг показывал свои наилучшие стороны, оборачиваясь моховым узором, нарядной листвой, бархатистым убранством пушистых елей.

Но природное очарование не смогло заглушить нехоти забравшуюся куда-то под рёбра тоску по милой Любаве и дому. С каждым шагом он мрачнел. В голову забирались мысли, что нужно вернуться и попроситься домой. Он всё рассказал, он здесь больше не нужен.

Размышления разбились о неожиданно возникшую перед носом дверь в избу.

— Отдохни здесь и жди, когда за тобой придут, — Владислав дождался, когда Ель преодолит себя и зайдёт внутрь. Он оказался в небольшой комнате с голыми лавками, при виде которых сонливость воспользовалась своим шансом, набросилась и отяжелила веки Еля. Не в силах сопротивляться, он бросился на лавку и моментально уснул.

Глава 4. В Божественном лесу

Оставшись один, Совиний Минович крепко задумался. Что-то странное и необъяснимое происходило, но что именно, он пока не мог разобраться.

Сорока был не обычным хранителем леса. Но чем он был важен, Совиний не знал. Отец не успел ему передать все знания, передаваемые в их семье от отца к сыну. За суматохой княжеских дел, Совиний позабыл о хранителе.

Так надо же было случиться, что среди уничтоженной группы лиходеев, оказался тот самый Ель, о котором Совиний, к своему стыду, практически забыл. Волосы на затылке встали дыбом от мысли, что Сороку могли убить и он бы об этом не скоро узнал.

Не успел он вернуться в Совиград, как с первыми лучами солнца, опережая его возвращение, прилетел ворон с посланием от Святослава Серого. Он требовал выдать ему Сороку для волчьего суда. Для чего в Совиград уже выдвинулись люди Святослава для получения и сопровождения Еля. Иначе — война. Последнего написано, конечно, не было. Совиний это знал сам. Стички между их княжествами возникали регулярно, а тут речь шла об убийстве двух древлян Святослава.

Усталость и бессонная ночь моментально забылись. Ему не нужны рыскающие волки на его земле, тем более война. Только не сейчас.

Выдать своего человека, не разобравшись в случившемся, он никак не мог. Это было не в его правилах — бросаться своими людьми. Особенно такими, чей секрет еще предстояло выяснить.

Совершенно бесшумно в зале появился Святогор. Медленно, шаркая ногами и волоча огромный посох, подходил совий волхв, служивший ещё его отцу и деду. Сколько ему было зим, никто не знал, да и сам Святогор уже не помнил.

— Вижу, серые думы сковали твоё чело, — проскрипел Святогор. Он устало оперся о посох и уставился подслеповатыми глазами на молодого князя.

— Ты уже наверно слышал, что ночью мы уничтожили лиходеев, скопившихся на границе леса. Среди них оказался древлянин, — по лицу волхва было невозможно прочитать, насколько внимательно он слушает. Но Совиний знал: если старый волхв крепко сжимает посох, значит, он весь во внимании. Сейчас его костяшки были белы, как снежные вершины.

— А как же не слышал, весь лес про то гудит.

Совиний передал всё услышанное от Еля и попутно рассказал про требования Святослава Серого. Святогор не раз выручал добрым советом молодого князя, всегда умевшего слушать и принимать советы близких людей.

В этот раз Святогор по-стариковски, шевеля почти беззубой челюстью, долго молчал, не произнося ни звука. Совиний, искренне удивлённый длительным молчанием, принялся ёрзать на княжеском пне, не в состоянии найти удобного места.

— Серьёзные обвинения выдвинуты против Сороки. Ты не можешь держать его у себя, лишая волков законного суда, — неспеша, всё же принялся вслух рассуждать волхв.

— Но и отдавать на растерзание волкам его я не имею права, — слишком резко ответил Совиний.

— Тогда ты должен отправить его туда, где он получит шанс на справедливый суд, — предложил Святогор.

— Белый совет, — негромко прошептал Совиний. — Как же я сам не догадался — подумал про себя князь, с ревностью отмечая, что он сам мог догадаться до такого очевидного и правильного решения ответа.

— Святогор, ты как всегда дал мне нужный совет. Благодарю тебя.

Волхв принял благодарность с привычным равнодушием и медленно направился на выход. Неожиданно его шарканья прекратились. Совиний удивлённо поднял голову, всматриваясь, что случилось.

Святогор обернулся. — Советую присмотреться к твоему хранителю. Чует моё сердце, он неспроста попался на твоём пути. В истории леса сороки играют важные роли.

Совиний тяжело сглотнул, вспоминая забытые слова отца о необходимости присматривать за Сорокой. Он совершенно забыл о том и не простил бы себя, случись с тем что. Как всегда при воспоминании об отце в глазах защепаало, а в груди зажёгся гнев.

Совинию было 25 зим, из которых 13 он княжил в Совиграде. За это время его земли из маленького и захудалого уголка леса превратились в добротный край, с которым необходимо было считаться остальным. За свои годы он успел вернуть многое из того, что было отнято волками и Ярополком.

В зал вернулся Владислав. В его взгляде однозначно улавливалось раздражение, которое он не умел скрывать от своего князя и друга.

— Говори, не мучай себя, — позволил Совиний.

Владислав озарился, подсвечиваясь в полумраке, как луч света, находящий щёлку в кроне деревьев и с удовольствием бьющий в глаз.

— Не похож Сорока на того, кто может учинить такое зверство, — от волнения он не успевал делать паузу, проговаривая всё сплошной скороговоркой. — Я ему верю, он говорил без утайки. А волки задумали что-то нечистое, хотят засунуть свой нос в наши дела. Гнать их нужно палками, чтобы бежали, поджав худые хвосты.

Обычно немногословный и сдержанный Владислав изрядно удивил Совиния. Что за день: волхв не может найти совета, а молчаливый воевода обрушивается словесным водопадом в защиту хранителя. Ну и дела.

— Успокойся, мой друг. Мы не пустим в дом волков, — в этот момент пришло окончательное решение, и, довольный, он сообщил: — Распорядись, чтобы ни один серый не подошёл ближе полета стрелы к Неделимым вратам. Сообщи Беляю, чтобы готовил троих витязей. На закате мы с Сорокой отправляемся в Древоград.

Гая волокли по земле. Он не сопротивлялся, хотя точно мог справиться с двумя, а если повезёт, то и с тремя древлянами. Но с ним было четверо. А ещё он видел, с какой точностью летят их стрелы.

Зачем его спас Ель, было загадкой. С другой стороны, «зачем» — это вопрос, который не всегда требует ответов.

Древляне сработали отменно, не оставив никакого шанса на спасение его людям. Жалеть об их смертях пока не приходилось, да и не в его правилах было думать о других жизнях. Марк даже предпринял глупую попытку его спасти. Сильный добряк, но совершенно безмозглый. Был.

Всю информацию он отослал седмицу назад, а это значит, что в ближайшее время бароны в Петрополисе получают все сведения. Он не сомневался. Увидев его отчёт, бароны не будут тянуть резину. Через месяц здесь будет основан новый лагерь латинян. Теперь оставалось только выжить, чтобы получить награду.

Он осторожно огляделся. Ночной лес, деревья, звёзды и луна. Сорока, как всегда начеку, оповестила лес о непрошенных гостях, затем вспорхнула и улетела прочь. В корнях дерева мелькнула рыжая лисица, хвастливо размахивая пышным хвостом, неся в зубах ночной перекус. И всё. Больше ничего. Лес как лес. Да и на что он рассчитывал? Он бы мог узнать места, по которым они тайно пробирались к болотам. Весь другой лес оставался для него однообразным местом, которое он ненавидел всей душой.

Его грубо бросили на землю, как будто в отместку за его мысли об их доме. Одежда тут же полностью вымокла от уже появившейся росы. Но хуже всего, что днём обожжённая крапивой рука вновь угодила в крапиву.

От боли злость вскипела вулканом. В порыве ярости Гай развернулся к бросившим его дикарям, намереваясь для начала высказать всё, что он думает про этот ужасный лес. К его удивлению, вместо злых и кровожадных древлян, только что хладнокровно убивших его людей, на него с любопытством смотрело четыре пары совершенно обычных глаз.

Они не скрывали своего любопытства, впиваясь в него взглядом, как всматривается ребёнок в простые вещи, которые в детстве кажутся необъяснимыми.

Это были молодые древляне, с виду лет по восемнадцати. Если их подстричь, убрать бороды, нормально одеть, то и не отличишь от молодых латинян, шатающихся по каменным улицам Петрополиса.

С виду самый молодой, оказавшись самым смелым, набрав побольше воздуха, спросил, правда ли он говорит на их языке.

— Правда, — он попытался выдавить улыбку. Судя по расползающимся лицам, улыбка у него вышла на славу. Древляне вовсю заулыбались и принялись, перебивая друг друга, задавать множество вопросов, от просьбы что-нибудь сказать на своём языке до вопросов личного характера.

Так продолжалось бы долго, если бы не появился Совиний. Молодые древляне задолго до Гая слышали приближавшиеся бесшумные шаги князя, заблаговременно стирая улыбки с лица.

Превратившись в молчаливые тени, они исчезли, уступая место молодому красивому мужчине. Гая поразили его серые пронизывающие глаза цвета совиного крыла, светящиеся холодным умом.

— Кто ты такой? — негромко и буднично спросил он.

Нужно быть осторожным. Этот не болван, которого можно удивить знанием языка.

— Я посол Петрополиса. Я направлялся в ставку хана, повелителя степи, — решил перехватить инициативу Гай. Было невозможно прочитать, о чём думает сероглазый, поэтому Гай продолжал, напуская уверенности в голос: — Пощадите меня, я не причинял зла лесу и древлянам, мы просто шли вдоль леса. Кто-нибудь остался в живых, кроме меня?

Древлянин с недоверием смотрел на Гая и не торопился отвечать, внимательно осматривая сидящего перед ним человека, что выводило его из себя.

— Вы истоптали несколько троп до красных болот, что вам было нужно? — холодок пробежался по спине. Несмотря на всю скрытность, не все тропы удалось сохранить в секрете. Главное не показывать страха.

— Я отвечаю только за своих людей, которые меня сопровождают к хану. Это не наши следы — оставаться спокойным, обманывая древлянина было не просто. Но от этого зависела его жизнь. Он должен ему поверить.

— Вы вторглись в лес без разрешения, вы разожгли проклятый огонь. По заветам Велеса твои люди были наказаны смертью, — неудивительно. Древляне никогда не церемонились с чужаками. Главное, что он не знает о его истинной цели нахождения здесь.

— Что же будет со мной? — в горле застрял комок. Жить ему или нет решал дикарь.

Древлянин ничего не ответил. Молча развернулся и отошёл в сторону. На его место вернулись старые знакомые, позабывшие свои добродушные улыбки.

Гай расслышал, как Совиний что-то говорит про кротовую тропу, что он должен прибыть раньше других. И всё. Ни слова о нём. Неизвестность, порой хуже смертельного приговора. Ему по настоящему стало страшно.

Первый заговоривший древлянин поднёс к его лицу руку. В раскрытой ладони лежало что-то чёрное, похожее на орех.

— Ешь, — последовала команда.

Не понимая, что же его ждёт, он с мольбой уставился в глаза молодому лесному человеку, взывая о жалости.

— Пощадите - заикаясь, взмолился Гай.

Молодые древляне не смогли сдержать улыбки, переглядываясь меж собой.

— Не бойся, чужак, не время тебе умирать — весело произнёс один из них.

Гай протянул руку, принимая угощение. Выдохнул полной грудью и, недолго думая, засунул в рот.

По вкусу он жевал землю, склеенную чем-то скользким, с крупными кусочками скорлупы. Не имея привычки себя мучать, Гай со второй попытки проглотил угощение и уставился вопросительным взглядом на древлян.

Вместо четырёх древлян перед ним оказалось ровно в два раза больше. Четверо новых были совершенной копией первых. Он перевёл взгляд на свою руку, и оказалось, что и его рука точно так же обзавелась своей копией. Он сладко зевнул, расслабил спину, вытянул ноги, опёрся спиной о дерево и погрузился в сон.

На другом конце леса.

Ярополк откровенно скучал. Но на это всем было всё равно. Приходилось без малейшего интереса смотреть на устроенное боярами зрелище. Такова традиция и доля князя Урсбурга.

Посреди поляны полыхал большой костёр, отбрасывая огненный свет на большого истукана, изображавшего Перуна, главного бога древлян. Позади него, ютились другие, более мелкие деревянные истуканы. Вокруг костра кольцом стояли одетые в рваньё Сварожичи. В огонь сыпались яства, выливались напитки. Так, зная Урсбурга благодарила богов, за то, что они стали ещё богаче.

Рядом со старшим Сварожичем, неизменно сидел на нашесте крупный сокол, символ огня в Божественном лесу. Хищник надменно осматривал подносящих угощения. Существовало поверье, что тех, кого ждал недоброе время, он обязательно цапанёт за палец, а тех, у кого сокол брал аккуратно мясо, ждал удачный период. Трясущиеся и жалкие, бояре и купцы, пригибаясь к земле, не спеша подходили к птице, аккуратно преподнося сырое мясо, опасливо оглядываясь на острый клюв хищника. Охи и ахи раздавались после, по которым можно было судить, кому повезло, а кому, лучше не начинать нового дела.

После разломного вече, только последователям Волхва Всеславьевича было позволено разжигать огонь в Божественном лесу. Кто ослушивался, того ждала страшная и мучительная смерть на костре.

Сварожичи брали очень дорого за своего ручного огненного зверя. Не было в их чёрствых сердцах человеческого тепла. Только злое пламя горело в этих страшных, покрытых сажью древлян. Они принимали еду, питьё, забирали малых беспризорных детей, оставшихся без родителей, чтобы обучить своему секретному ремеслу. То они брали с обычного люда. С бояр же, не чурались брать златом, да серебром. Что они делали с богатством, никто не знал, наверное прятали в своем секретном месте, где вечно полыхал огонь.

После кормления огня и сокола, начиналась вторая часть зрелищ. Появлялись гусяры, певцы и танцоры. Слуги, разодетые в разнообразные наряды, переодетые в медведей, плясали хороводы, показывали сцены из истории его семьи, восхваляя мужество, силу и отвагу рода Кировичей, властителей медвежьего края. На это ещё он мог поглядеть. Но когда отыгрывались сцены из его жизни, его начинало трясти от злобы и отвращения. Но он князь и должен всё это вынести, чтобы ни один боярин или купец, устраивавший зрелище, не посчитал себя обиженным.

Толстым боярам и маслянистым купцам зрелища доставляли неизмеримое удовольствие. Это и понятно. Они никогда не бывали в настоящих сражениях. Не слышали крики умирающих, не добивали раненых.

Ярополк в эту минуту мечтал только об одном — оказаться как можно дальше от этого места вместе с той, чей маленький подарок — вырезанной из липы фигуркой лисы — он сжимал в руке на протяжении всего дня.

Его взгляд блуждал по небосклону, отдыхая от надоевшего пёстрого мельтешения. На чистом небосводе появилась соринка, привлекавшая его внимание. Приближаясь, соринка превратилась в белую пушистую сову. Сердце забилося чаще. Белая сова в его краях означает, что в Божественном лесу что-то произошло.

Взбудораженный, он с еле прикрываемой радостью покинул зрелище, с удовольствием пропуская момент, где в красках обыгрывалось взятие Ярополком Совиграда.

Быстрым шагом он направился в терем, куда должна прилететь белая сова. Оказаться в прохладе терема было приятно после проведённого дня на жаре. Сова нетерпеливо перебирала острыми когтями, в ожидании того, кому адресовалось сообщение.

Он всегда побаивался сов, предпочитая любого другого зверя, даже медведя. Огромные глаза пугали, заглядывали внутрь, беря затянувшиеся раны, причиняя душевную боль.

Но он не был бы Ярополком, хозяином медвежьего края, потомком Кира Змееборца, если бы не умел переламявать хребет своим страхам. Как всегда, быстро и решительно он подошёл к птице и резко оборвал берестяную кору с её лапы.

Сова недовольно оглядела адресата, не торопясь улетать, что сильно нервировало Ярополка. На бересте был начерчен круг, по окружности которого изображались знаки княжеств.

Два круга, знак Совиния, князя Совиграда. Далее, лапа медведя, знак Ярополка, лисий хвост, знак малолетнего князя лис Игоря, кабан Казимира, волк Святослава Серого и оленьи рога, знак Берендея.

Совиний созывает Белый совет, а это значит, что нужно выезжать в Древоград. Сердце забилося учащённо. Он снова её увидит. Радость скромно пробралась в его холодное нутро, делая робкие попытки отогреть давно покрытую льдом душу.

Сова продолжала нагло заглядывать в глаза Ярополку, напоминая своего господина Совиния, также способного бесстрашно смотреть в глаза Ярополку. Если бы не боги, раздающие без спросу человеческие судьбы, он бы обязательно подружился с Совинием. Но боги рассудили иначе.

— Никитка! — Ярополк вызвал верного слугу. Его голос прозвучал слабее, чем обычно, под взором глазастой птицы. Пришлось звать громче, да так, что горло обожгло резкой болью.

Молодой парнишка, напуганный криком, появился из ниоткуда, умело находясь всегда поблизости, но никогда не раздражая своего господина навязчивым присутствием.

— Проследи, чтобы сегодня до полуночи мы смогли отправиться в путь в Древоград, — распорядился он, растворяя своим приказом Никитку, как всегда незаметно исчезнувшего после поручения. Он хотел как можно скорее отправиться в путь, чтобы быстрее оказаться в её объятиях.

Раздражённый не улетающей совой, продолжающей нагло смотреть ему в глаза, он схватил попавшееся под руку яблоко и запустил в лохматое глазастое чудище.

— Убирайся прочь! — добавил вдогонку улетающему облачку. Сова вылетела в открытую дверь, напоследок противно проухав. Он был уверен, что сова прокричала совиные проклятия.

Сердце бешено колотилось, грудь вздымалась колесом. Он приходил в себя, ощущая необъятный стыд, следовавший всегда после вспышек ярости.

В той стороне леса, где восходит солнце, уютно расположилось восточное княжество, называемое оленьим, благодаря живущим только в этой части леса чёрным оленям.

Олени были необычны не только цветом шкуры, их благородные головы венчались прекрасными серебряными рогами у самок и могучими золотыми рогами у самцов. Некогда чёрные олени встречались на каждом шагу и жили по соседству с древлянами, но ныне, встретить оленя, большая удача.

Князя восточного княжества звали Берендей. Он был старейший из всех ныне живущих князей Божественного леса, и было у него два сына, старший Ратмир и младший Ясений.

Под тенью высоких красных клёнов торопился Ратмир, на ходу поправляя скомканную грязную рубаху, не желавшую подпоясываться под конопляный пояс, предательски перекрутившийся на спине. Сейчас Ратмир сильно жалел, что оставил в покоях свой кожаный ремешок.

Помимо проблем с верхней частью одежды, на ногах происходил бедлам. Лапти держались из последних сил, готовые вот-вот развалиться, а онучи были покрыты многочисленными дырками, демонстрируя белые голые конечности.

Ратмир имел приятную внешность: выразительные карие глаза, сильный лоб, округлые румяные щёки с ямочкой, могучие плечи и знатный рост выдавали недюжинную силу. Кудрявые светлые волосы, весело подпрыгивающие при ходьбе, особенно радовали глаз на фоне уступающих дорогу угрюмых и темноволосых древлян, провожавших молодца презрительными взглядами.

Дорожка, укутанная крупными красными кленовыми листьями, упёрлась в круто устремлявшийся вверх утёс, на возвышение которого так спешно стремился наш герой.

Вобрав побольше воздуха, он уверенно поднимался вверх, стараясь как можно дольше не сбить дыхание. Но, как всегда, крутость и высота оказались сильнее, и молодой энтузиаст, тяжело задышав, был вынужден сбавить темп.

— Вот окаанный! - сокрушался Ратмир, признавая очередную победу утёса и пообещав в следующий раз взобраться наверх без одышки.

На самом верху, удобно примостившись спиной к дереву, сидел Берендей и безмятежно смотрел вдаль. С холма открывался потрясающий вид. Уходящий в горизонт лес, плавно меняющий цвет от красного к тёмно-зелёному. Река, извиваясь, изящно огибала небольшой остров, на котором разместились дома-деревья.

Ратмир безмолвно встал рядом, перебирая в голове варианты его ответов на обязательно последующие вопросы про его неподобающий вид. На небе появились два белых лебедя, постепенно снижаясь и неторопливо опустившихся на зеркальную водную гладь.

— Велес послал пару лебедей, это добрый знак, — первым заговорил мужчина.

Ратмир ничего на это не ответил, зная привычку отца издавна начинать разговоры.

— Ты меня послушался, — не глядя на него, произнёс Берендей, князь восточного леса.

— Да, князь, — сознался княжич. Оправдываться не имело смысла.

Берендей тяжело вздохнул, устало прикладываясь рукой к вискам.

— Собирайся. Завтра на рассвете ты вместе со мной отправляешься в Древоград.

— Слушаюсь, князь.

Смешанные чувства заполнили душу княжича. Волнение: отец никогда раньше не брал его с собой. Радость: он впервые увидит главный город леса. Злость: он не хотел оставлять своих друзей и находиться среди лицемеров, окружавших отца. Он сильно сжал кулаки, вкладывая все эмоции в это сжатие.

— Ратмир, ты наследник оленьего стола, — в сотый раз устало проговорил Берендей, растирая седые виски, превращаясь в замучившегося родителя, объяснявшего непослушному ребёнку важные правила. — Ты не должен целыми днями бродить среди простого люда.

Внутри разбушевался ураган. Захотелось выкрикнуть в лицо, что он не прав, схватить за руку и провести вместе с собой по местам, в которых живут настоящие люди. Именно там,

среди обычного люда, Ратмир постигает народную истинную правду жизни, учась у охотников, слушая травников, пробуя себя в строительстве и занимаясь всем тем, чем ежедневно живут люди. Буря рвала и метала Ратмира, но он промолчал, наученный горьким опытом, не позволяя ураганным ветрам вырваться наружу, оставаясь спокойным, как лёд.

— Отец, какова цель нашего отъезда в Древоград?

— Совиний Минович созывает Белый совет. Ты будешь меня сопровождать и учиться быть князем.

Часть II. Глава 5 Совиный царь.

Гай видел свой дом. Небольшой, уютный, доставшийся ему от отца. Дом был на отшибе города, из серого однообразного камня, кроме одной стены, полностью покрытой зелёным вьюном. Мать он не помнил. Отец — вечно с грязными руками. Отличный садовник, любивший растения и цветы больше собственного сына.

Он поёжился от всплывших воспоминаний, которые тщательно скрывал от самого себя.

Гай с детства терпеть не мог растения, цветы, деревья — всё то, что отнимало у него отца. Проводя детство за книгами, он мечтал вырваться из дома с зелёной стеной. Движимый непрекращающимся зудящим желанием убраться подальше от этой зелёной стены, он поступил в академию в Петрополисе, где получил отличное образование. Он был хорош во всём, но более всего сосредоточился на том, что может принести богатства. Петрополис разрастался, подчиняя всё больше территорий. Гиганту было необходимо кормиться. Самым лакомым куском было железо, которого катастрофически не хватало. Гай попал в точку. Самый молодой мастер железа — звание, которое многие достигают только к седым вискам. Он знал, как и где лучше всего добыть руду, как её обработать и сделать первоклассной сталью.

Пока Гай грыз гранит наук, отец умер, оставив после себя дом с зелёной стеной, хлипкие садовые инструменты и множество горшков, засаженных разнообразными растениями.

Первым делом Гай всё безжалостно выкинул и привёл ненавистную стену в достойный вид.

Сердце защемило, скулы свело. Шальная мысль, как залетевшая в окно птица, заметалась в голове. А где он сейчас? Так, он принялся возвращаться в действительность. Тяжело, как будто в первый раз в жизни, он открыл глаза.

Необъятное синее небо. Больше ничего. Ни одного облачка. Солнце светит откуда-то сверху, припекая макушку. Постепенно и не спеша восстанавливались последние события: окровавленный древлянин, стрелы, смерть, собственные волочащиеся ноги, смеющиеся весёлые молодые парни, привкус земли.

Всё вспомнив, он резко вскочил на ноги. Земля под ногами зашаталась, но он удержался. Никаких резких движений. Он огляделся. Вокруг — скалы, на которых росли одинокие деревья. Куда ни глянь — камень да дерево. Ветер с вершин принёс запах смолы.

По спине неприятно забегали мурашки. Не сразу до него дошло, что он в ловушке. Он был на уступе. Медленно, всё ещё не до конца доверяя своим ногам, он подкрался к краю. Сердце ушло в пятки, тело прошиб противный холодный пот. Настолько высоко он находился, что лес казался игрушечным.

От высоты закурилась голова. Этот страх преследовал его с детства. Стоило выглянуть со второго этажа, как земля всегда уходила из-под ног. Гай в панике попятился назад, пока не уткнулся спиной в каменный уступ.

Когда сердце успокоилось, дыхание восстановилось, Гай, перебарывая себя, подполз к краю, преодолевая свой страх. Как оказалось, только для того, чтобы тут же отползти обратно. Тело забило в трясучке. Солнце не согревало. Чтобы успокоиться, он обхватил колени руками и принялся раскачиваться взад-вперёд.

Сколько он так просидел, он не знал. Солнце, пройдя свой традиционный маршрут, клонилось к закату. Небо постепенно окрашивалось в алые цвета, а солнце становилось всё ярче, как будто пыталось напоследок побольше отдать своего тепла.

Стояла полнейшая пугающая тишина. Гай, ощущая неведомую опасность, напряг все органы чувств, чтобы услышать, как где-то в сумраке, на самом верху, что-то приближалось.

Камни посыпались сверху, предупреждая Гая, что ему следует отпрыгнуть. Повинуясь, он вовремя прыгнул в сторону. На то место, где он только что был, приземлилось неведомое

чудище. Порождение преисподни, воплощение бурной фантазии поэта. Страх высоты показался детской шалостью перед страшным монстром.

Чудовище, издавая разнообразные блеяния, рыки, тяжело сопя, приобретало более знакомые черты. На месте чудища оказался невысокий серый барс с длиннющим толстым хвостом. Под ним, не останавливаясь, с полными страха глазами, бешено скакал горный баран, пытаясь сбросить со спины дикую кошку.

В попытках освободиться баран принялся прыгать на спину, в надежде раздавить барса. Охотник, гибкий, как вода, в последний момент изворачивался и оставался на месте. Добравшись до шеи, мощные челюсти сомкнулись на шее барана. Глаза жертвы округлились. Несмотря на то что в них была написана вся горечь поражения, жажда жизни не покидала бедное животное. Он до последнего пытался стряхнуть тяжело дышащего хищника.

Со скалы продолжали падать камни в доказательство ожесточённой схватки. Горный баран замер, проигрывая смертельную битву более опытному и сильному сопернику.

Взгляды человека и барса встретились. В пылу схватки барс не сразу заметил присутствие человека. На загривке вздыбилась шерсть. Хищник оголил кровавые клыки. Барс не намеревался делиться добытым трофеем.

Гай оказался в ловушке. Бежать некуда. За спиной — обрыв. Перед ним — смертельно опасный хищник. В голове проносились один за другим воспоминания его короткой и нереализованной жизни. Глаза защищало от нахлынувших слёз. Он не должен вот так умирать.

Разозлённый на несправедливость, Гай яростно зарычал на оцетинившегося хищника, демонстрируя свои мелкие, неопасные зубы. На удивление, барс прижал уши, напуганный поведением двуногого врага. В его глазах заметался страх. Он был готов бежать, но баран, лежащий рядом и так тяжело доставшийся, не отпускал барса. Вкус его крови приковал хищника к себе, усиливая голод.

Гай продолжил наступать, поднимая руки вверх, крича во всю глотку. Во второй раз такого эффекта его крик не произвёл. Барс уже приготовился к смертельному прыжку, припадая к земле.

Но прыжка горный хищник так и не совершил. Барс неожиданно припал к земле, покорно вытягиваясь в струнку. Отбрасываемая тень Гая резко увеличилась, приобретая очертания огромного существа.

Он почувствовал, как за ним бесшумно появился кто-то, кто заставил опасного хищника припасть к земле. Волосы встали дыбом. Всё ещё боясь поворачиваться спиной к барсу, Гай медленно, вполоборота, посмотрел в глаза своим страхам.

У страха оказались громадные янтарно-жёлтые глаза. Небывалого размера сова, в добрую лошадь, смотрела свысока на барса и Гая. Она была серого цвета с чёрными крапинками. Кончики перьев, словно обмакнутые в чернила, напоминали кисти, готовые рисовать. Входящих лучах солнца поблёскивали золотые и серебряные перья, аккуратно вкрапленные в обычные перья. На полностью покрытых белоснежным мехом лапах красовались когти размером с саблю.

Из-за спины чудо-птицы обыденно вышел маленький старичок с огромным посохом. Он не спеша поглядел на Гая, затем на барса и в конце на тушу барана. Покачал головой и произнёс неведомые слова, которых Гай не знал.

Сова повелительно щёлкнула клювом. Барс что-то промяукал, вцепился в тушу и в два прыжка был таков, оставляя Гая наедине с чудо-птицей и стариком.

— Ты и вправду знаешь наш язык? — пристально взглядываясь в Гая, спросил старик, тыкая посохом в него.

Во рту настолько пересохло от пережитого страха, что Гай с трудом выговорил утвердительный ответ. От всего случившегося силы его покинули, ноги подкосились, и он обязательно упал бы, если бы не упёрся рукой в скалу.

— Тогда внемли, перед тобой совиный царь, первородная Глафкс, — слова долго доходили до обессилившего Гая, застревая где-то на полпути, поэтому он не сразу перевёл услышанное.

Взбешённый медлительностью Гая, старик замахнулся на него посохом, отчего ноги совсем обессилели, и Гай беспомощно сполз по стенке. Довольный собой и произведённым эффектом, старик, глядя свысока на Гая, представился сам:

— Я Святогор, волхв князя Совиния, господина Совиграда.

Прилипая друг к другу, мысли Гая стали тягучими, как смола. Гай бросил попытки всё переварить и принялся внимательно разглядывать Святогора.

Перед ним стоял древний старик, покрытый глубокими морщинами. Волос на голове не было. Зато брови разрослись широкими неухоженными кустами, компенсируя отсутствие волос на голове. Его рот без остановки что-то пережёвывал, отчего скулы сильно выделялись под впалыми щеками. Седая борода доходила до груди, в завитках бороды торчали разнообразные веточки и листочки, а его верхний слой одежды был сделан из коричневых веток, сплетённых наподобие жилета.

Святогор повернулся к Глафксу, почтительно поклонился сове. Птица в ответ моргнула и бросилась вниз, расправляя огромные крылья и ловя воздушный поток. Огромная сова взмыла вверх, оставляя людей наедине.

Старик проводил взглядом улетающего вдаль Глафкса и беззвучно улыбался, расправляя глубокие борозды возле губ. Вспомнив о своём незавершённом деле, обернулся к Гаю и принялся располагаться прямо на земле, что-то доставая из мешка, висевшего за его спиной.

Он выудил оттуда большое, ярко-красное яблоко. При виде еды у Гая потекли слюни. Когда он ел в последний раз, сейчас было и не вспомнить. Не глядя на него, старик неожиданно бросил яблоко точно в руки Гаю.

Гай, не думая, моментально впился зубами в нежно-сладкое яблоко, чувствуя, как сладчайший сок наполняет рот, от обилия которого всё потекло по щекам и шее. Яблоко оказалось самым вкусным в жизни Гая.

Готовясь к разведке красных болот, Гай хорошо готовился к встрече с древлянами. Он специально изучал их язык и пытался узнать как можно больше об их культуре. Если с языком не возникло сложностей, — благо торговцы давно нашли друг с другом общий язык, — со всем остальным оказалось гораздо сложнее. Ему удалось выудить только отрывочные и противоречивые сведения.

Однако он не раз слышал в сбивчивых рассказах, что давным-давно, когда древляне только поселились в лесу, всё, что росло в Божественном лесу, было способно насытить взрослого мужчину на целый день. Яблоки, орехи, грибы и ягоды, вот что составляло рацион древлян.

Но Гай никогда до конца не верил, что это возможно в жизни, относя эти истории к легендам. Настало время проверить самому, правда это или вымысел, тем более старик не демонстрировал желания подкинуть что-нибудь ещё.

Святогор не спеша и с наслаждением откусывал по маленькому кусочку, чтобы затем с удовольствием пообсасывать и медленно переживать левой стороной челюсти каждый кусочек.

Гай с жадностью следил за каждым маленьким укусом старика, сокрушаясь, что смолотил яблоко за несколько приёмов. Но к моменту, когда старик закончил с яблоком, Гай чувствовал приятное тепло в животе и прилив сил. Осталось проверить, на сколько хватит действия одного яблока.

— Сегодня спим здесь, — буркнул старик, поудобнее улёгся на твёрдой земле, приобнял посох и в это же мгновение мерно засопел.

От прилива сил Гаю не хотелось спать. Он встал, ещё раз внимательно осмотрел уступ, с которого невозможно никуда исчезнуть. Только с помощью Глафкса или обратиться в дикого

барса, чтобы взобраться на отвесную скалу. «Не может быть», — подумал Гай. До него дошла мысль, как он здесь оказался. Его принёс совиный царь, никак иначе он не мог оказаться здесь. В ногах неприятно закололо от осознания, как он сюда попал.

Устав ходить взад-вперёд по маленькому уступу, он прислонился к скале. Завидую старику, Гай принялся вновь обдумывать всё, что с ним произошло, чтобы найти выход и сохранить жизнь. Совиный король, барс, приклонивший колени перед птицей, волхв, яблоко — он словно попал в сказку. Сам не замечая того, сон заботливо накрыл Гая и отправил в спокойное и полное восстановления путешествие по оставленному дому, местам и людям.

Глава 6. Даль дорога.

Новость, что ему нужно отправиться в Древоград в сопровождении князя, сбивала с ног. Боги решили подшутить над ним. Иначе не объяснить то, что происходило за последнее время.

С одной стороны, он был в предвкушении приключения. Он отправится с самим Совином в старейший град Божественного леса, в место, где древляне основали своё первое поселение.

С другой стороны, Любава. Во сне ему явилась молчаливая супруга. Глаза её были наполнены грустью. Сложно представить, что сейчас творится у неё в голове. Он жив и здоров, а она знать того не знает, переживает и страдает. Сердце сжалось в комок, причиняя физическую боль.

Он шёл, бездумно смотря на сопровождавшие его путь солнечные золотарники, распустившие свой медовый аромат. Пчёлы трудолюбиво собирали нектар, щедро накопленный цветами. Впервые в жизни чудесные божьи творения не радовали.

Сердце, тяжёлое как камень, но всё ещё живое и настоящее, затрепыхало от несправедливости. Стоило смалодушничать, спрятаться — и жизнь подарила ему интересные приключения, о которых он и мечтать не мог.

Единственное, что он мог сделать, — найти, через кого сможет передать весточку Любаве, чтобы не томилась, не переживала голубушка. Ему повезло. Довольно быстро удалось найти древлян, следовавших в его деревню. Они любезно согласились передать послание, что он жив и здоров, пусть не переживает, скоро обязательно вернётся.

Сделав важное дело, теперь нужно было самому подготовиться к дороге. Древоград далеко от северного Совиграда. Его одежда была разорвана, а достать новую с пустыми карманами он не мог. На помощь пришёл Владислав, отправивший Еля к броннику и стрельнику, со словами, что негоже выглядеть оборванцем рядом с князем.

Бронник, грузный и добрый старик, выдал Елю длинную рубаху, сверху которой полагалась новая и от того скрипучая кожаная броня. Бронник постарался, долго ковыряясь в закромах в поисках нужных размеров. Сверху кожаной основы на броне красовались прочные, обработанные смолой дубовые пластины.

Удивлённый, Ель пытался отказаться от такой роскоши — никогда не носил ничего подобного, — но немногословный бронник пробормотал в усы, что по-другому нельзя, таков приказ князя.

Надевая массивный, как ему казалось доспех, Ель переживал, что из-за веса ему будет тяжело и неудобно. К счастью, он оказался не прав. Совиградские мастера сотворили чудо. Доспех был подвижным, не тяжёлым. Ель покрутился так и сяк, поднимал руки, махал, нагибался. Каждая мелочь была продумана, потому никакого дискомфорта он не ощущал.

Также бронник достал из закровов лёгкий тёмно-зелёный плащ-вотолу с двумя кругами — символом Совиграда. По сравнению с его грубой одеждой плащ казался невесомым. Он долго прикасался к нему рукой, наслаждаясь мягкостью материала, не веря своему счастью. В этот момент бронник с глухим стуком поставил перед Елем тёмные кожаные сапоги.

Ель судорожно посмотрел на свои изношенные лапти, оборванные, с налипшей засохшей грязью, и похожие на улей онучи. Не веря в происходящее, дрожащей рукой прикоснулся к кожаным сапогам, стоявшим целое состояние. К сапогам бронник достал новые онучи и ноговицы, украшенные совиным знаком.

— Бери, бери, не сумлевайся, — подбодрил Еля добрый бронник.

Раз дают, нужно брать, решил Ель и перевоплотился из оборванного древлянина в щегольски наряженного княжеского слугу. Сапоги оказались большеваты — значит, на вырост, — улыбнулся Ель, приспособив остатки старых вещей в носок сапога.

Щеголем подлетел Ель к стрельнику, предвкушая новые дары. Стрельник оказался куда менее приятным, чем бронник, что испортило первые впечатления.

Но когда ворчливый сухой дед показал на свет божий оружие, настроение Еля вновь улучшилось. Свой старый лук он потерял незнамо где и когда, но очнулся он без него. Новый лук был жизненно необходим. Любой древлянин с детства обучается стрельбе из лука. Это не просто оружие, это часть повседневного гардероба. Куда бы древлянин ни направлялся, лук и пара стрел всегда должны быть за спиной. Так заведено.

Когда громко сопящий стрельник протягивал новенький лук, Ель не верил своим глазам. Он бережно принял оружие, с любовью трогая благородную берёзу и статную сосну, из которых был сделан лук. Стрельник зло зыркнул на счастливец и грозно произнёс:

— Сильно не радуйся, вернёшь в целости и сохранности.

Ель пропустил мимо ушей ворчание стрельника. Его ждало ещё одно чудо — наполненный колчан стрел с костяными наконечниками, который он с осторожностью перебрал руками, с заботой поглаживая соколиное оперение.

— Каждая стрела посчитана, — вдогонку уходящему Елю донеслось ворчание старика.

Елю никто не объяснял, зачем его берут с собой в Древоград. Княжеский приказ неоспорим, приходилось подчиняться, иного пути не существовало. Выданные сокровища подняли настроение Елю. Идя во всём новом, без конца поглаживая плечо лука, он чувствовал себя уверенно и как-то по-новому. Всё это будоражило кровь, ему хотелось поскорее отправиться в путь.

Владислав, скрестив руки, поджидал обновлённого хранителя. Довольно кивнув головой, он жестом поманил его за собой.

— Сейчас отведаешь скромного угощения, а к вечеру отправитесь с князем в Древоград, — зачем-то снова повторил Владислав то, что и так было известно.

Он завёл его под крытый навес, где за столом сидело четверо древлян, одетых точно так же, как и Ель.

— Знакомься, эти витязи будут сопровождать князя.

Добрые молодцы по очереди поднялись и поприветствовали корневым жестом Еля. Все как один молоды лицом, могучи в плечах, словно вырезаны из отборной древесины. Самый старший из них, Беляй, красив лицом, с коричневыми глазами цвета коры, а в глубине глаз — капельки смолы, блестящей на солнце. Кудрявые светлые волосы, перехваченные обручем, и добрая мальчишеская улыбка, как будто встретил старого знакомого.

— Здрав будь, хранитель леса, снова свиделись, — улыбаясь, поприветствовал Беляй Еля.

Ель улыбнулся в ответ, искренне радуясь знакомому лицу. Именно Беляй спас Еля на каменной реке, и теперь снова отправляется в путь вместе с ним.

Повечерели грибной северной похлёбкой с кусочками вяленого мяса — вкусноты необыкновенной, которую готовили исключительно в северной части леса, — и в придачу наелись мёда с кедровыми орехами.

В землях Совиния древляне по-прежнему питались только дарами леса и тем, что можно было приготовить без огня. Почитая Велеса и Мокошь, совы, как именовался народ Совиния, оставались верны заветам богов и выбору Мира Совиновича, предка Совиния.

Набив животы, прыти у Еля поубавилось. Выходить в ночь уже не так и хотелось. Но приказ есть приказ.

Всей компанией отправились в обозначенное место, откуда должен был начаться поход в Древоград.

— Сколько будем в пути? Дней десять? — спросил Ель Беляя, примерно подсчитывая расстояние до Древограда.

Вся компания заулыбалась, сдерживая добрый смех. Даже вечно серьёзный Владислав дёрнул уголками губ, имитируя улыбку.

— У князя нет столько времени. Мы пойдём птичьей тропой, — довольный эффектом, произнёс Беляй.

А эффект был ошеломительный. От услышанного Ель был не в силах закрыть рот. Ладони от волнения тут же взмокли.

Одно из немногих чудес, что умели нынешние волхвы, — было открывать птичьи тропы. Божественный лес скрывал множество секретов, и один из них — птичьи тропы. Специально произнесённые слова на древнем языке древлян позволяли открыть кратчайший путь до нужного места. Такой способ доступен только князьям и зажиточным древлянам, поскольку лишь искусный волхв способен открыть птичью тропу. Именно так Совиний добрался быстрее дружины с места спасения Еля. Привилегия, доступная не каждому древлянину.

Солнце неуклонно падало за линию горизонта, отдавая последние лучи готовившемуся к ночной жизни лесу. Совы чистили крылья, заспанные ежи высовывали чуткие носы, сверчки настраивали инструменты — лес готовился к ночи.

На смену солнцу на небосклоне зажгётся молодой месяц. Следом за ним одна за другой повыскакивали звёзды, радуясь, что можно показать свою красоту в эту безоблачную ночь.

Под многолетним кедром собралась небольшая дружина под предводительством Совиния, среди которой затесался Ель, как поганка среди опят. При виде князя он почувствовал себя неуютно, как будто вместе с новой одеждой надел чужую шкуру. Князь был одет точно так же, пойдя различить, где кто, разве что был пониже ростом, чем его витязи, да на ремне красовались ножны с белой рукоятью кинжала в виде совы.

Вся компания молча чего-то или кого-то ждала, не нарушая звуков ночной симфонии. Звёзды под предводительством месяца безмолвно наблюдали за ними в безоблачном небе.

Уже снова хотелось поскорее отправиться в путь. Утренние минуты растерянности и сокрушения над собственной судьбой заменились азартом и жаждой приключений, ранее никогда им не испытанных. Какая-то часть его периодически напоминала о Любаве, но предвкушение дороги перебивало грусть разлуки.

Из ниоткуда, в пространстве между деревьями, появился Святогор. Молча он вышел из темноты леса и приблизился к путникам. Он выглядел уставшим, словно не спал долгое время.

Совиний многозначительно переглянулся с волхвом, как будто мысленно переговариваясь с ним, но вслух слов не было произнесено. Они были и не нужны. Казалось, выпущенное слово моментально нарушит всё таинство, и они не смогут оказаться в птичьей тропе.

Волхв прикоснулся к кедру, запрокинул голову и что-то неразборчиво зашептал. Ель оказался ближе всех, поэтому разглядел, как на шее Святогора появились змейки набухших вен.

Обычно волхвы предпочитали действовать скрытно, не демонстрируя при всех своё мастерство. Поэтому Ель боялся моргать, желая увидеть своими очами ворожбу совиного волхва, чтобы всё в деталях рассказать Любаве.

Волхв продолжал шептать непонятные слова. Вся его неказистая фигура ходила волнами, а ноги всё сильнее трусились. Шея и лицо покрылись алой краской, превращаясь в одно сплошное кровавое пятно. Волхв подкосился, но никто не бросился на помощь, и Ель сдержал свой порыв. Зрачки исчезли, оставляя белые безжизненные белки, покрытые туманом.

Елю стало тяжелее дышать, воздуха становилось всё меньше. Лоб покрылся испариной. Голова закружилась, и всё видимое зарыбило.

Волхв наконец взмахнул посохом, в последний момент спасая Еля от унижительного падения в обморок. Воздух наполнил лёгкие, насыщая всего ночной прохладой и хвойной свежестью, как будто он только оказался здесь.

Не успев надышаться, на глазах у Еля, прямо напротив него, две сосны, скрепя старческими костями, отодвинулись в стороны, оголяя широкую и ровную дорогу, аккуратно подсвечиваемую звёздами, уходившую в бесконечную даль.

Волхв, измождённый и как будто весь высушенный, некрепко стоя на ногах, прошептал: — Быстрее, у меня не так много сил, тропа сейчас закроется.

Совиний с благодарностью кивнул, демонстрируя взглядом полное понимание, какой ценой волхву удалось открыть тропу, и первым шагнул в проход. Незамедлительно за ним последовали дружинники.

Сознание Еля поделилось на две части. Одна половина буквально визжала, крича, что нужно бежать за ними, не стоять на месте. Это было давно знакомое ему сознание, сам Ель, с которым он живёт всю жизнь.

Вторая, незнакомая половина, заставляла стоять на месте, влекомая повсюду разлившейся лесной силой, поднимавшейся из самых недр земли, проходившей через дерево и волхва, заставляя лес открыть тропу. Чувство было отдалённо знакомое, похожее на то, что он чувствовал совсем недавно, когда дерево поделилось с ним своей энергией. В голове зашумело множество разнообразных голосов. Всё нутро приятно завибрировало, предвкушая сытое угощение. Эта часть Еля была сильна, и она желала прикоснуться к силе, зачерпнуть хоть малую частичку и с жадностью напиться.

И он поддался, игнорируя самого себя. Его ноги сделали шаг не в сторону тропы, а в сторону волхва. Первый шаг оказался самым болезненным, он словно ломался изнутри. Затем один, и ещё один.

Сквозь шум бурлящей силы слабый человеческий голос противно раздавался где-то на границе реального мира. Частичка Еля ухватила за человеческую речь, со всей оставшейся силой потянулась в сторону спасительного голоса и перед ним из ниоткуда возник напуганный Совиний, удивлённо глядящий на него и широко раскрывавший рот.

— Ель, Ель! Очнись! — слова догоняли рот князя, заполняя пропавшими звуками.

Не до конца понимая, что происходит, Ель беспомощно закрутил головой, обнаруживая, что он почти дошёл до волхва. Но что ещё удивительней, со стороны тропы в его сторону были направлены стрелы, а лица у всех были одновременно напуганы и напряжены.

— Бегите, — одними губами произнёс Святогор, держась из последних сил.

Ель в сопровождении Совиния рванул к ещё открытому проходу, покачиваясь на ходу, как сорвавшийся осенний лист. Сосны затрещали, стремясь оказаться на прежнем месте. Из последних сил он прыгнул, в последний момент запрыгивая внутрь прохода, чувствуя обжигающее прикосновение деревьев, захлопывающихся за его спиной.

Радость влилась горным потоком. Он успел в последний момент, он в птичьей тропе. И также быстро радость утекла, как вода сквозь пальцы, когда он снова обнаружил направленные стрелы в свою сторону. С неизвестно откуда взявшейся жалостью к себе он посмотрел в глаза Совиния, ожидая его тихой команды.

— Опустить оружие. Идём, нам предстоит долгий путь, — Совиний демонстративно обернулся спиной к Елю, показывая своё доверие, и бодрым шагом отправился в путь.

Глава 7. Ярополк в Древограде

Ярополк прибыл в Древоград за три дня, до изнеможения загнав ездовых оленей. Но вся его скорость была напрасна. Она ещё не приехала.

Придётся вспомнить о делах, которые выдернули его из дома. Совиний созывает Белый совет, а значит, вопрос серьёзный. Как раз вернулся Никитка с новостями о том, что на месте только Святослав Серый, который прибыл ещё вчера.

— Отправляйся к Святославу, пускай придёт ко мне, да скажи ему, чтобы быстро явился, — распорядился Ярополк.

Он крепко задумался. Раз Святослав здесь, а совет созывает Совиний, значит, между ними опять назревает драка.

«Вот же неугомонные», — Ярополк сильно стиснул челюсти, удерживая забурлившую ярость. Ему было неважно, кто в действительности прав, а кто виноват. Святослав — его верный слуга, хоть и называет себя князем. Поэтому Ярополк всегда будет на стороне этого трусливого и слабого хвостатого, но всё же полезного союзника.

Его всего передёрнуло от мысли, что придётся встречаться с Святославом. Он был ему неприятен. Куда интересней было бы побеседовать с Совинием, несмотря на их непрекращающуюся вражду.

На долю секунды он даже подумал отменить встречу, чтобы не портить себе настроение. Вместо этого — напиться хмельного мёда и хорошенько выспаться, пока не приехала она.

В этот самый момент в тяжёлую дверь постучали, прогоняя прочь, так поздно появившуюся отличную мысль. Он рыком отозвался, разрешая войти.

В палаты вошёл Никитка, за ним, низко нагибая голову, пробрался Святослав. Невероятно высокий и худой. Пухлые щёки и горбатый нос умещались на очень маленьком лице. На щеках всегда лоснился жир, как будто он только что встал из-за стола. Клиновидная жиденькая борода, которую так и хочется дернуть. Длинные и прямые, белые, как снег, волосы. Вот и всё, что видели люди, глядя на князя волчьих земель. К горлу подступила тошнота.

— Здрав будь, великий и могучий Ярополк, сильнейший в Божественном лесу, достойнейший потомок славного Кира Змееборца, — Святослав, как всегда, говорил слащаво и приторно. Каждое его слово было обильно смазано мёдом, отчего начинало ломить зубы. Он сложился пополам, не разгибаясь, пока Ярополк не ответит ему. С его шеи свисал отвратительный медальон ощерившейся пасти волка, качавшийся возле самого пола. Что-то ярко блеснуло, отражая солнечный свет.

«Он опять украсил новым драгоценным камнем медальон», — сообразил Ярополк. От этого факта в горле неприятно запершило, как будто кто-то незаметно сдавил ему шею.

— И ты не хворай, — настроения долго общаться с ним у него не было, поэтому он решил сразу перейти к делу. — Рассказывай, какая напасть у вас с Совинием, — спросил Ярополк.

По пустым и бесцветным глазам Святослава пробежала хитринка. Ярополк понял, что не ошибся. Между ними вновь намечается склока и этот хитрец точно в курсе что происходит.

— Человек Совиния убил двух моих людей и я потребовал выдать убийцу! — выплюнул обвинение Святослав.

— У тебя есть доказательства? — строго спросил Ярополк.

— Да, — Святослав не смог удержаться от противной улыбки, — мои люди нашли лук и сигнальную стрелу со знаками совы — недобрый свет лился из его глаз, — рядом с телами молодых древлян — Он опомнился и изобразил гримасу сожаления, но только на мгновение, как бы репетируя своё выступление. Дальше, как обычно, на губы натянулась повседневная ухмылка.

У Ярополка зачесались кулаки. Захотелось размазать эту самодовольную ухмылку. Если он сомневается в правдивости его слов, то как будет реагировать совет? Он не может допустить, чтобы совет встал на сторону Совиния.

— Помяни моё княжье слово, Святослав! Если это очередная твоя глупая придумка, то я не буду помогать тебе! — зарычал Ярополк, потрясывая могучим кулаком, перекрывающим худое тело Святослава, — тебе придётся разбираться самому с пернатым соседом!

— О, великий Ярополк, разве я хоть раз лукавил перед тобой? — он попытался заглянуть в глаза Ярополка, но тот не позволил, зная, что точно не удержится от вспышки гнева. Этот скользкий гад не раз и не два на ровном месте придумывал склоки ради того, чтобы урвать частичку леса и потешить своё раненое самолюбие.

— Пойди прочь, — махнул рукой Ярополк в сторону выхода.

Святослав, покорно, подметая жидкой бородёнкой пол, попятился назад. Из-за его поведения Ярополк никогда не мог относиться к нему как к равному себе, хотя оба носили титулы князей.

Хоть и не единожды Ярополк корил сам себя и клялся так больше не делать, но всегда срывался и ничего не мог с этим поделать.

Наконец Святослав ушёл, оставляя медвежьего князя наедине со своими мыслями. На душе заскребли кошки, всё было противно. Так всегда после встречи со Святославом.

Но делать нечего, на совете он будет во всём поддерживать этого юркого скользкого змея, как подобает союзнику. Совиний слишком умён и с каждым днём становится опытнее и сильнее. Рано или поздно они столкнутся на ратном поле. От этой мысли неприятно засосало под ложечкой. Проиграть на совете, пусть даже это был суд над обычным древлянином, — это уже поражение, которое нельзя допустить.

— Княже, дозволь слово молвить! — выглядывая из-за приоткрывавшейся двери, спрашивал Никитка. Не поворачиваясь, он кивком головы дал позволение.

— Мне доложили, она въехала в град, — тихо прошептал Никитка, словно их кто-то мог подслушивать.

Лицо грозного князя залилось алым румянцем. Повезло, что он повернут к слуге спиной. Сердце учащённо забилося. Из головы тут же выветрилось всё послевкусие от встречи с Святославом.

— Молодец, Никитка, — похвалил мальчишку князь. Никитка засиял ярче золота. Похвалу от князя он бережно запоминал и хранил, как зеницу око.

— Скажи слугам приготовить чистую одежду мне и тебе. После беги к реке, мы с тобой освежимся после дороги! — приказал Ярополк. Мальчишка тоже должен выглядеть чисто и опрятно, ей это нравится.

Никитка исчез, убегая исполнять волю князя. Ярополк направился к реке, которая называлась Славутич, попутно вспоминая, как Никитка оказался у него в услужении.

Лет десять назад, из отдалённой деревни, вовремя не пришёл оброк. Он отправился с дружиной узнать в чём дело и обнаружил страшную картину, всё население было убито, старым чёрным медведем с сочащейся из пасти чёрной пеной. Он никогда не забудет бешеный взгляд, молящий об одном — освобождении от терзающей зверя напасти. Тогда впервые он столкнулся с бедой, всё чаще встречающейся на просторах леса, так и называемой «чёрной пеной».

Зверя убили с расстояния, боясь подходить близко. Тело и всю деревню, как плохое место, решили сжечь, для чего были приглашены сварожичи.

Когда сварожичи были готовы поджигать, Ярополк расслышал еле слышный детский плач. В одной ветхой избе лежал завернутый в грязную отцовскую рубаху живой комочек. Кольнуло тогда княжье сердце, сжалился он над дитём, не отдал его сварожичам, намеревавшимся забрать маленького румяного малыша, лишившегося родителей. С тех пор и растёт при нём мальчуган.

Пока добрые воспоминания бультыхались в его голове, он дошёл до берега. Повсюду летали страшные стрекозы. С детства он их не любил — несуразные, некрасивые существа. В середине реки расплывались круги от подводных обитателей.

— Водяной, хозяин рек, дозвожь искупаться в реке? — спросил разрешения Ярополк, больше по привычке, чем по необходимости.

Давным-давно все духи покинули лес, сгинув вместе с лешим. Но мать наказывала всегда спрашивать, и он, будучи взрослым князем, всегда исполнял волю покойной матери.

В ответ, возле дальнего берега, из воды не спеша появилась голубая голова с крупными рыбьими глазами на выкате. Вода, искрясь на солнце, скатывалась с длинных волос чудища.

Ноги Ярополка похолодели и подкосились от страха. В этот момент, как раз подбежал Никитка, с улыбкой до ушей, на ходу стягивая рубаху. Он любил воду. Была бы его воля, сутками бы не вылезал из воды.

С появлением мальчишки наваждение тут же исчезло. «Надо же, понапридумывал сам себе. То, наверно, сом был, брюхом кверху проплывал, или палка, затянута тиной, а я уже затрусил», — утешил себя Ярополк.

— А ну, куда лезешь! — зарычал он на Никитку, останавливая шустрого мальчугана в шаге от воды.

Никитка присел от страха, вспоминая, что забыл спросить разрешения искупаться у водяного. Поглядывая с опаской на князя, он исправился. С замиранием сердца, Ярополк вгляделся в то место, где ему привидился водяной. Как и должно быть, никакой дух не показался. И только тогда они побрели в прохладную воду, оставив на берегу две кучки грязной одежды, чтобы смыть с себя пыль дороги. На одежде Ярополка бережно была оставлена деревянная лисичка, подаренная любимой.

Длинная процессия вальяжно двигалась по птичьей тропе. Благородные мохнатые олени не спеша перебирали своими большими копытами, позвякивая колокольчиками, вплетёнными в шерсть.

Ратмиру было скучно, он устал неподвижно сидеть на спине животного. Поэтому он шёл пешком по краю мягкой тропы, чуть отстав от всех. Безоблачное небо не сменялось пятый день подряд. Скоро наступит сезон дождей, поэтому нужно наслаждаться голубизной необъятного неба.

Липы, дубы, орешник, каштаны, осины и берёзы сменялись на протяжении пути. Лес становился выше и стройнее. Чем ближе к Древограду, тем старше деревья.

Предвкушение от того, что он увидит Древоград к четвёртому дню, спало. Зато усилилось желание поскорее оказаться подальше от всей братии, сопровождавшей их в пути.

Больше всего он терпеть не мог Властолюба, богатейшего боярина Краснолесья, а возможно всего леса. Он всегда был рядом, прислушивался большими ушами и постоянно вставлял своё мнение, считая себя знатоком во всём, но ни в чём не был по-настоящему хорош. Кроме баснословных трат. В этом ему не было равных. Все его одежды были усыпаны драгоценными камнями. Была бы его воля, он с радостью повесил бы все украшения на свои отвислые уши, засунул бы в нос, в брови и во все места, куда дотянется. Его терем намного превосходил княжий. Отец закрывал глаза на это, поскольку Властолюб щедро делился с казной, так это объяснял Берендей.

Откуда у него все эти богатства, Ратмир не знал. Отец не любил этот разговор, злился и входил в ярость, стоило его завести. В народе поговаривали, что Властолюб торгует красным дубом, ценнейшим и самым прочным деревом во всём лесе, оттого и очень редким. Некоторые говорили и то, что его люди охотятся на чёрных оленей, ради их драгоценных рогов «а Берендей его покрывает».

Конец мысли ворвался без спросу в его голову. В народе ходили такие разговоры, но только тогда, когда убеждались, что поблизости нет тех, кто может доложить людям князя. Об этом Ратмир знал не по наслышке.

Так и случилось с ним. Когда он был совсем мал, он нечаяно услышал разговор княжих слуг, среди которых был дядька Фрол, княжий лесничий, смотрящий за убранством леса возле княжеского терема.

Услышав разговоры Фрола, Ратмир сильно разгневался на лесничего. Он не понимал, как можно говорить такое про отца. В этот же вечер Ратмир обо всём рассказал отцу, не скрывая имени Фрола. Он ждал, что князь решительно ответит сыну и закроет эти нелепые разговоры раз и навсегда, а Фрол получил должное наказание, чтобы не разводил лживых разговоров.

Однако отец ничего не сказал, он только разозлился и наказал Ратмира, приказав не лезть в то, в чём не разбирается. Фрол же навсегда пропал и никто его больше не видел. Не сразу княжич осознал, что натворил. Все его попытки разузнать судьбу Фрола не увенчались успехом.

От воспоминаний Ратмир разозлился, с ненавистью вглядываясь в спины отца и Властолюба, беззаботно о чём-то болтавших. Олень под боярином по кругу был украшен золотыми желудями, позванивающими при каждом шаге, вызывая приступ раздражения. Чуть поодаль ехала личная дружина Властолюба, чутко охранявшая боярина. Княжич не приятно вздохнул, дружина боярина, заметно превышала княжью, была лучше вооружена и одета.

Неожиданный хруст, раздавшийся из леса, привлёк внимание Ратмира, выдёргивая из тяжёлых дум. Это был не обычный хруст, который случается в лесу от дуновения ветра, от наступа зверя или когда старое дерево, оперевшись на молодых родственников, не спеша клонится к земле. Это был хруст, который может произвести неаккуратно поставленная нога человека.

Ратмир, незаметным мягким движением достал из-за спины лук. В его действиях была грация, но в то же время все движения молниеносны, бесшумны. Чего удалось достичь, потратив много дней на отработку и совершенствование. Стрела уже лежала на тетиве.

Когда ты идёшь по птичьей тропе, тебя невозможно увидеть, лес надёжно закрывает и оберегает путника, но всегда можно услышать, чем пользовались злые люди.

Ратмир внимательно глядел в темнеющую глубину леса, пока не различил силуэты крадущихся друг за другом древлян. Хорошо, что из тропы можно не только слышать, но и видеть. Они двигались медленно и осторожно, стараясь не быть замеченными, держа в руках оголённое оружие. Два парня, один из которых поистине великан, и красивая женщина с огненными волосами. По бокам у каждого висело по куньему хвосту.

Сердце забило чаще. Это были куницы, отшельники, не признающие и враждующие с властью князей. Смертельные враги его отца. Кто-то их считал лесными разбойниками, а были и те, кто называл их героями, сопротивлявшихся таким, как Берендей и Властолюб. Правда, скорее всего, была где-то посередине.

Они двигались прямо по направлению тропы, глядя в сторону Ратмира, но не видя его. Рука первого была вытянута вперёд, так, когда идёшь в темноте и боишься наткнуться на препятствие.

В тропу можно зайти случайно, и куницам об этом было хорошо известно, о таких случаях нередко рассказывали дома. А вот выйти из тропы нельзя, только пройдя по намеченному кем-то другим пути, раньше не выйти. Особо отчаянные всегда предпочитали рискнуть, в надежде сорвать богатый улов и потом уже решать, что делать на конце тропы. Если куницы попадут в тропу, драки не избежать.

Пот прошиб насквозь. Один из куниц, шедший первым, с чуть раскосыми хитрыми глазами, подошёл вплотную к тропе, остановившись в шаге от неё.

Больше всего пугало Ратмира, что он не знал, что делать. Можно было перестрелять их, пока тебя не видят. Но руки отказывались подчиняться.

Из-под черёмухи, прямо перед куницами, выскочила рыжая пышная красавица лиса. Испугавшись, лисица оскалила острые маленькие клыки и была такова, напоследок махнув пушистым рыжим хвостом с белым кончиком.

Лицо прекрасной девушки просветлело.

— Демьян, пустое. Лисица нашумела, — нежным голосом пропела она, обращаясь к раскосому парню. Непонятно отчего, Ратмиру не понравилось, что она обращается к Демьяну. Ему захотелось, чтобы красавица обращалась только к нему.

Демьян, всё ещё недоверчиво глядя вперёд, со второго раза откликнулся на зов. Медленно развернулся и пошёл прочь от тропы.

Только когда они исчезли из виду, Ратмир глубоко выдохнул. Руки задрожали, как будто лук был сделан не из дерева, а из камня. Он наконец с облегчением опустил оружие и побежал догонять своих.

Из головы не выходила рыжеволосая куница.

Глава 8. Знакомство с Древоградом.

Ночь пролетела незаметно. Небо бледнело и избавлялось от ночной темноты, радуясь солнечному свету, как доброму другу. Ночные охотники возвращались к семьям, скрываясь в уютных норках. Кукушка, хвастаясь веерным хвостом и кокетливо размахивая крыльями, пролетала над верхушками деревьев, чтобы первой встретить рассвет.

Дорога уходила в даль, прячась за мягкими поворотами. Ель, привыкший к изменчивым лесным тропам с постоянными оврагами, колючками, бродами и поваленными деревьями, ступая по мягкой тропе, получал одно удовольствие. Ни поваленных деревьев, ни камней, ни кочек, только мягкий лиственный ковровый настил, а вокруг — нескончаемая лесная стена, защищающая от ветра.

Шли быстро, не делая длительных остановок, поедая сушёные яблоки, взятые с собой в дорогу. Новые сапоги приятно поскрипывали при каждом шаге, ревниво напоминая о себе: скрип-скрип.

Ходьба для Еля — дело привычное. Каждый день он проходил большие расстояния. Бывало, бродит так один-одинёшенек, вокруг лес да звери, а ему так хорошо на душе, тихо, спокойно. Он полностью сливался с природой, становясь единым целым, как будто он и есть лес, а лес — это он, и у них всё общее: дыхание, глаза, слух, сердце и душа. Бывало и так, идёшь, а навстречу тебе подраненный зверь, чудом спасшийся от лиходеев. В глазах — мольба о помощи. Чувствует зверь, что Ель обязательно поможет, потому что он такой же, он свой.

Они шли по косогорам. Снизу в живописной лощине бесшумно пробегала белая бурлящая река Снежа. Сверху она казалась спокойной, но Ель знал, какая сила и мощь таится в горном потоке, способным снести камни и лес на своём пути.

Солнце поднималось всё выше, попадая своими стрелами в неустанно идущих вперёд древлян. Перед Совинием, в шагах пяти, неожиданно выскочила олениха, вся в белых яблоках. За ней хвостиком появился колченогий яблочный оленёнок. Мать принялась влажным носом, напрягая всё тело, готовая молниеносно убраться, чтобы уберечь малыша. Совиний аккуратно протянул руку вперёд, чтобы олень почувствовал запах друга, который не причинит вреда. Оленёнок, повторяя за матерью, шумно принялся знакомиться с новым для себя запахом. Теперь он будет знать, как пахнут друзья, что однажды может его погубить. Лиходеи, не переставая рисковать собственной жизнью, безостановочно рыскают на окраинах леса в поисках лёгкой и богатой добычи.

Все древляне наклонили голову, приветствуя Велесовых созданий. Ведь сам Велес может наблюдать за тобой через глаза животных. Северяне по-прежнему чтили Велеса как главного бога, поэтому никогда ни один из них не убьёт вышедшее на него животное. Охотиться можно только после дозволения Велеса, и добывать зверя нужно в равной борьбе, а не пользоваться первым попавшимся случаем.

Олениха строго посмотрела на оленёнка и, окончивая урок, одним прыжком скрылась за лесной стеной. Будущий обладатель венценосных рогов на мгновение остался один. Сделал несколько шагов навстречу Совинию, проверить свою смелость. Когда до него оставалось пару шагов, мать грозно заворчала, обещая хорошую взбучку любопытному оленёнку. Не смея послушаться, он бросился вслед за матерью, оставляя древлян наедине с лесом.

Шли целый день, делая перерыв только на водопой. Ноги Еля налились свинцовой тяжестью. Тело изнывало от жары под непривычным кожаным доспехом. Он злился, забыв первые мгновения радости, не понимая, зачем его так нарядили, словно он дружинник. Каждый раз, оставляя позади удобное место для привала, он мысленно договаривался с самим собой, прося ноги идти дальше, не отставая от остальных. Он искоса поглядывал на сов, надеясь увидеть

утомление на их лицах, но к своему огорчению все выглядели свежо и бодро, как будто только вышли. Он понятия не имел, сколько им ещё идти, но спросить не решался.

На небе засияли звёзды, озаряя дорогу путникам, как будто специально подсвечивая путь, чтобы древляне продолжали идти без отдыха. «Ещё один шаг, ещё и ещё», — мысленно упрощал себя Ель, и когда казалось, что он точно больше не ступит ни шагу, Беляй запел незнакомую песню. Голос его был мягок, и в то же время слова были тверды, как камень. Совиний подхватил, и тогда все разом запели грустную, неспешную песню, посвящённую истории любви молодых древлян по имени Солнце и Луна, не могущих быть вместе, но по-прежнему любящих друг друга. На душе посветлело, он представлял себя и Любаву героями песни. Хоть они далеко, он также, как и солнце любит свою луну.

Дорога осложнилась крутым подъёмом, приходилось руками цепляться за торчащие корни. Отдавая все появившиеся после песни силы, Ель последним взобрался наверх, тяжело дыша. Ноги тряслись, ладони горели от свежезаработанных мозолей. Сил притворяться сильным у него больше не было. Наоборот, хотелось кричать, что он устал, умолять остановиться и никуда больше не идти.

Опустив от усталости голову и глядя только себе под ноги, он случайно наткнулся на впереди стоящего дружинника. Он огляделся. Они оказались на вершине высокого холма, с которого открывался завораживающий ночной вид. Луна и звёзды подсвечивали лес, в эту минуту больше похожий на тёмное озеро, разлившееся во все видимые стороны.

Не успев насладиться, Ель обнаружил, что остался один. Красота придала сил. Тем более спускаться легче, чем взбираться. Шаг в темноту — и весь мир пришёл в движение. Камни посыпались, и он, упав на спину, покатился вниз, обгоняя удивлённо уставившихся сов. Ель чудом не влетел в валуны, хищно ожидавших своих жертв внизу. В последний момент он смог подняться и пробежал последние шаги на своих двух, как будто всё так и задумывалось. Опосля спустившиеся совы со снисходительной улыбкой встречали Еля, дружески похлопывая его по плечу.

Перед ними гудела белая бешеная река Снежа, которую раньше он видел с вершины. Теперь она не казалась тихой. Вода рвалась, ревела, врзалась в скрытые под водой камни, оглушая древлян. На берегу, словно сторож, одиноко стояла могучая старая ива, раскинувшая свои свисающие до земли руки-ветки.

Под оглушающий грохот и при свете звёзд ива зачаровывала и влюбляла в себя, похожая на прекрасную девушку, облокотившуюся от любопытства на локоть и с нежностью смотрящую на уставших путников.

Совиний подошёл к иве и нежно дотронулся до морщинистой тёплой коры, чтобы спросить разрешения укрыться под её ветвями. Ель не слышал слов, до него долетали обрывки слов на древнем забытом языке древлян, напоминающие ручей, стекающий по моховым камням, радостно поблёскивающий от лучей солнца.

Посторонний шум заглох. Знакомые ощущения овевали Еля, как тогда, когда Святогор открывал тропу. Закружилась голова, воздуха стало не хватать. Где-то внутри Еля, женский голос, наполненный мощью ответил "анумати ди гаи". Древний язык, который он никогда не знал, прозвучал в его голове. Где-то в отдалённом месте памяти, стряхнув с себя пыль, всплыл перевод, "разрешаю".

Также резко всё прекратилось. Шум реки бурным потоком ввернулся, оглушая Еля. В это же время, Совиний в ожидании ответа продолжал стоять возле ивы.

«Неужели я один услышал ответ?» - удивился Ель, глядя на неподвижного князя. Откуда не возьмись со стороны Снежи прилетел летний ветерок, обдавая путников речной прохладой. Ветви ивы распахнулись, пропуская путников на ночлег.

— Нам позволено остаться, — только тогда Совиний позвал всех к долгожданному отдыху.

Северяне верили, что дерево вправе отказать, тогда оставаться было себе дороже. Обязательно забредёт голодный медведь или змея бесшумно научит манерам неуважительных путников. А может, и ветка упадёт аккуратно по голове, чтобы шишка долго напоминала, что нужно спрашивать разрешения.

Ель свалился без сил и моментально уснул. Но спал недолго. Толчок ноги быстро поставил на ноги засоню. Будивший буркнул, что пора идти. Он посмотрел на небо, и стало понятно, что поспал он совсем немного.

От усталости, грубого пробуждения, неизвестности, что он здесь делает, он не удержал злость и выплюнул в спину Совинию:

— Кто-нибудь мне объяснит, куда мы так спешим? — вырвавшиеся слова было не вернуть. Пугаясь собственного голоса, мысленно ловя свои дерзкие слова в воздухе, он с остановившимся сердцем увидел, как Совиний медленно поворачивается к нему.

Всё затихло вокруг. Сверчки, до этого безудержно рассказывающие друг другу сплетни, замолчали и наострили маленькие ушки.

Совиний кивком головы отправил остальных вперёд, жестом предлагая Елю пройти вдвоём. На окоченевших ногах он сделал шаг, проклиная свою несдержанность и заносчивость.

— Ты оказался втянут в историю, финал которой непредсказуем, — несмотря на шум реки, Совиний говорил негромко, но Ель отчётливо слышал всё сказанное. —

Святослав Серый обвинил тебя в убийстве древлян — Ель непроизвольно улыбнулся, так бывает, когда слышать то, что никак не может случиться с тобой, но почему то, случается. Несмотря на тёплое утро, он поёжился, мороз пробрал по коже. Слова не приходили, поэтому он продолжал молча слушать.

— Я тебе верю! — слова, которые вернули к Елю жизни, — поэтому мы идём в Древоград, где белый совет решит, за кем правда.

Совиний смотрел на него своими серыми глазами, проникая внутрь, в самые глубины души. Отчего Елю стало стыдно. Заслуживает ли тот, кто спрятался, защиту князя?

Иногда лучше не знать ответов на свои вопросы. Он перестал обращать внимание на дорогу. Всё его внимание было обращено во внутрь себя. Он не понимал, как его могут обвинять в том, что он не делал. Не найдя ответов, в душе, бес спросу, поселилось полное опустошение и вымело все чувства, оставив пустую оболочку.

Остаток пути он не запомнил, всё было словно в тумане. Иногда, он возвращался к той ночи, обдумывал свой поступок, своё прошлое и пытался представить будущее, которое не желало никак проясняться. Он ощущал себя переполненным сосудом, в который продолжали лить воду, несмотря на то, что вода полилась через край.

Утром пятого дня пути они подошли к Древограду. Измученный дорогой, внутренними переживаниями, Ель с безразличием встретил эту весть, пока не увидел старейший лесной град.

Древоград располагался в живописной долине, со всех сторон окружённый каменным поясом. С небольших скал, во множестве, от мала до велика, стекались водопады, наполняя воды голубой житницы — озера с чистой прозрачной водой. Из житницы вытекал извилистый Славутич, теряющийся в глубине леса.

Возле озера возвышался первородный Дуб. Первоначальное Велесово творение упиралось в небеса, глядя на весь лес свысока. Казалось ствол дерева был необъятен, что не хватит и десяти людей, чтобы его обхватить.

Слёзы счастья, смешанные с горечью от того, что рядом нет Любавы, покатались по его щекам. Он воочию видел первое дерево, давшее жизнь всему остальному лесу.

Стоило попасть в опасную историю, чтобы жизнь предоставила возможность увидеть Древоград. В это мгновение он бы без колебаний заплатил эту цену ещё раз, чтобы Любава оказалась рядом.

Через Древоград проходило два торговых пути, железный и солевой, названные из-за первых товаров, доставленных чужаками по этим дорогам. Птичья тропа окончилась, доведя путников до железного пути ведущего в город. Последняя версат железного пути проходила через липовую рошу, в которой стоял застоявшийся сладкий, слегка дурманивший аромат. Пчёлы без остановки жужжали, собирая липовый нектар.

Повсюду разносилась чужая незнакомая речь. Ель с открытым ртом смотрел на людей не похожих на древлян. Среди них были чёрные и смуглые, с бородой до пяток и совершенно безбородые, как Гай. Были с узкими глазами и лицами как круглое солнце.

Они они все были также по разному. Кто-то по пояс голый, в основном темнокожие. Встречали наоборот, укутанные в ткани, свисающие с повозок. Были и такие, которые, несмотря на летнюю жару, были укутаны в шерстянные длинные разноцветные шарфы.

На въезде ждали мытники, внимательно считавшие и помечавшие на берестяных грамотах, кто и что ввозил в город, и после уплаты пошлины пропускали дальше.

Из толпы мытников отделилась тоненькая фигурка и бросилась к ним.

— Князь Совиний! — высокий голос еле перекрикивал визг и гомон споривших о чём-то купцов с мытниками.

Совиний быстрым взглядом оценил фигуру приближавшегося худого паренька, по-видимому узнавая его.

— Ясений, приветствую тебя, — что-то похожее на улыбку отобразилось на лице Совиния.

— Вы как раз вовремя, я вас жду со вчерашнего дня, — не веря своему счастью, сказал тощий парень. — Фил послал меня вас ожидать и при первом появлении вести к нему. Прошу следовать за мной. — Украдкой Ясений быстрым взглядом осмотрел Еля, что не осталось незамеченным.

— Как нам пройти в деревянный город, минуя лишних глаз? — поинтересовался Совиний.

Ясений, уже разворачивающийся, чтобы отправиться, остановился и задумчиво повернулся.

— Пойдём через земляной город, — быстро сориентировался он.

Совиний кивнул, и на лице Ясения прочиталось отвращение, которое он попытался неумело замаскировать под почтительную покорность. Все двинулись за ним.

Древоград был разделён на два города, деревянный, откуда пошло племя древлян, куда доступа чужакам не было. Второй, названный земляной, или торжок, был новым городом, образованным после того, как в Божественный лес хлынули товары со всего мира. Большую часть города составляло торжище, в который съезжались толпы чужаков-купцов, чтобы обменять содержимое своих повозок на лесные дары.

Привозились железные инструменты, оружие, дорогие ткани, ювелирные изделия, соль, а взамен вывозился мех, кожа, сырье для воска, мёд, смола, золотые жёлуди и шишки.

В другие места Божественного леса, чужаки не допускались. Им позволялось проходить по Железному и Солевому пути и только в летний период.

Липовая аллея уходила дальше в сторону деревянного города. Они же пошли в другую сторону, сразу попадая в большое скопление всюду снующих, как муравьи, людей. Те, кто прошёл через мытников, двигались в этом же направлении, везя товары на торжище.

Куда Ель не бросал взгляд, везде хаотично росли деревья, под которыми ютились друг на друге сколоченные на скорую руку жилища. На пороге без дела сидели ребятишки, голодными глазами провожавшие проходившие мимо них обозы.

Из-за увиденного неприятный холодок закрался в душу Еля. Не то он ожидал увидеть. Привыкший больше к лесу, чем к людям, ему было непонятно, зачем ютиться в этих лачугах, если можно жить в других частях леса, где достаточно места и занятий.

Ель не успел заметить, как жилые лачуги превратились в торжище, где купцы в спешке выставляли свои товары на торговые ряды. С другого конца ряда старая сгорбленная женщина распекала двух молодых загорелых мальчишек, замахиваясь на них маленькой веточкой, чтобы они скорее выставляли клетки. Мальчишки с трудом подняли тяжелую клетку и поставили на лавку. Старуха сорвала умелым движением полотно. В клетке заметалась птица, больно ударясь о деревянную решётку.

Ель остановился, не в силах сделать и шагу. Он бросился с единственным желанием — разбить клетку, освободить птаху. Перед ним возник Беляй, преграждая путь своими широкими плечами, заслоняя происходивший ужас.

— Не сейчас, — строго проговорил Совиний.

Ель с плескавшейся злостью дерзко бросил обжигающий взгляд на защитника злодейки.

— Нужно... ос... освободить, — задыхаясь от злобы, он еле выговорил слова.

— Не сейчас, — повторил Совиний, приказывая идти дальше. Беляй положил руку на плечо и подтолкнул Еля вперёд, к Ясению, ожидавшему в шагах пяти и удивлённо следившим за происходившим.

В висках пульсировала боль. Они пошли дальше, пробираясь через толпу людей. Среди толпы стали попадаться богато одетые древляне, медленно прохаживающиеся среди серой массы, внимательно заглядывая на прилавки.

Пока они шли Ель видел то, что хотел бы никогда не видеть. Он желал поскорее уйти отсюда и жалел, что не может закрыть глаза и уши.

— Свежая рыба, свежая рыба — кричал маленький мужичок, вокруг которого роем летали мухи. За его спиной в большой деревянной бочке лескалась рыба. По соседству с ним расположилась миловидная молодая женщина, торгующая цветами и злобно поглядывающая на воняющего рыбой соседа.

На каждом углу купцы зазывали чужаков, предлагая им ягоды, грибы, шкуры кожу, а также живых зверей, запертых в клетках.

— Только здесь, вы можете купить отличную росомаху — кричал толстопузый конопатый древлянин.

— Рыси, только у нас, самые красивые рыси — тут же его перекрикивал другой.

— Кабаны на мясо, кабаны для охоты, кабаны для всего, чего душе угодно — кричал высокий парень с перевязанным глазом, зазывая к себе маленьких раскосых чужаков, идущих мимо.

Чужаки не отставали, вереща что-то на своём, приглашая к себе. У некоторых были даже свои толмачи, зазывавшие древлян. Они торговали не только предметами. Для особых покупателей ими привозились диковинные звери, которые не встречались в Божественном лесу. Разноцветные большие птицы, лошади, маленькие лошади, волосатые маленькие зверьки, похожие на человеческих детёнышей. Это только то, что успел увидеть Ель.

От увиденного голова шла кругом. На сердце тяжёлым ярмом легла неподъёмная тяжесть, его буквально разрывало от злости. В отличие от снующих взад и вперёд толп древлян, спокойно проходящих мимо, не обращающих никакого внимания на зло. Царившее равнодушие, было как ветер, разжигающий маленький огонёк его злобы.

На деревянных ногах он шёл дальше, опустив голову вниз, пропуская, как убогие лачуги сменялись добротными разнообразными избами и домами-деревьями. На домах появились красивые узоры, изображавшие животных и лес. Всюду — красивые ухоженные цветы.

Дальше был небольшой подъём, и Ель оказался там, где никогда не должен был быть, — в деревянном городе, в месте, строго охраняемом от посторонних глаз. Месте, где жили богатейшие и знатнейшие древляне.

Разочарованный увиденным в земляном городе, он уже мало чего ожидал от деревянного. Но он ошибся. У него перехватило дыхание, на мгновение вся его жизнь и вся история древлян стёрлись, чтобы он, как заново рождённый, увидел мир в первозданной красоте.

Могучие и стройные деревья с раскинутыми живыми ветвями, наполненными сочными яркими листьями, сквозь которые пробивались солнечные лучи, освещающие невероятной красоты дома-деревья.

Жилища древлян были великолепны и не похожи друг на друга, словно они так и задумывались Велесом и Мокошью. Ничего лишнего, природа и древляне. Между домами раскинулись навесные мосты, украшенные разными цветами.

Цветы вообще были повсюду, разных форм, размеров и окрасов. Повсюду разливались волшебные запахи. Под ногами стелилась мягкая изумрудная трава, приглашая сбросить с себя всю обувь и насладиться прикосновением к голой коже. Вокруг множество прудов с большими кувшинками, в которых шумно игралась детвора.

Ель заметил, как к ним приближался невысокий толстый человек, быстро перебирая маленькими ножками. Он забавно придерживал слишком длинную рубаху, напоминавшую женское одеяние, чтобы не наступить и не упасть.

Совиний, увидев коротышку, улыбнулся и направился к нему навстречу. Коротышка, заметив встречное движение, с невероятной радостью остановился, согнулся пополам и выставил вверх руку, держась за невидимое дерево, чтобы не свалиться и немного передознать. Быстрая ходьба давалась тяжело. В таком виде он напоминал оживший валун, впервые тяжело задышавший после многовековой паузы.

— О, слава богам и лесу, — слова дались ему очень тяжело, — наконец вы тут, я вас жаждался.

Совиний поприветствовал человечка традиционным жестом и неожиданно приобнял за плечи.

— Здравствуй, — он искренне был рад видеть маленького древлянина, ставшего на цыпочки, чтобы князю было удобнее.

— Не будем терять время, идём ко мне в посольство, нам нужно много что обсудить. Почти все уже прибыли.

Коротышка, держа под руку Совиния, ловко лавировал, обходя отовсюду носящуюся детвору и неспешно гуляющих благородных древлян, не спеша семенящих по широким тропкам, обсуждавших различие одного цветка от другого.

Ель не мог сдерживать себя, его голова, как у совы, крутилась вокруг своей оси, выхватывая абсолютно всё, чтобы ничего не пропустить и рассказать как можно подробнее Любаве.

Они подошли к статной берёзе, на которой размещалась изба, слишком большая для такого маленького человека, злорадно подумал Ель.

Коротышка с проворностью рыси запрыгнул на первую ступень и также быстро вскарабкался наверх, исчезая внутри. Совиний не так проворно, зато намного изящнее проследовал за ним, приказывая ждать внизу.

Как только Совиний исчез, все с вздохом облегчения повалились на траву. Мысль, что дружинники тоже могут устать, потешила самолюбие Еля. От полученных впечатлений усталость исчезла и спряталась, ожидая, когда ей предоставится шанс вновь завладеть телом и разумом.

Подставляя лицо солнечным лучам, он не спеша присел вместе со всеми, любуясь деревянным городом. Несмотря на царившую красоту и идиллию, он не понимал, как в одном месте может уживаться чудесное с ужасным.

Видя его опустошённый взгляд, к нему подошёл Беляй.

— Сорока, ты не держи зла на князя. Здесь другой мир. Когда я впервые оказался в Древограде, меня также держали, чтобы я не натворил бед.

— Ну как это возможно? — непонимающе взглянул Ель прямо в карие глаза Белая. — Зачем держать живую птицу в клетке?

— Ель, хоть мы и один народ, мы давно друг от друга отличаемся. Тяжело осознавать, что такие же, как ты, живут иначе, имеют другие ценности и чтут другого бога. Но с этим ничего не поделать, — выдыхая, ответил Беляй, оставляя Еля одного.

Ель устало подставил лицо солнцу, закрывая глаза, видевшие слишком много прекрасного и ужасного. Вот и настало время для ответного удара. Усталость, выглянув издалека, накатила равномерно, заботливо укрывая тяжёлым одеялом и нежным шёпотом призывая поскорее закрыть глаза отяжелевшими веками.

Он до последнего сопротивлялся, удерживая последний рубеж обороны, боясь закрыть глаза и потерять видимый прекрасный мир. Куда ему тягаться с усталостью, беспредельно долго копившей свои силы. Не выдержав, он провалился в чёрную бездну.

Ему приснился кошмар. Он видел странный мир, где вместо леса — высокие безжизненные каменные строения, уходящие вертикально ввысь до самого неба. Внизу снуют нескончаемым потоком люди и рассматривают зверей, закрытых в железных клетках. Обхватив голову руками, он что есть силы закричал, желая проснуться.

Он открыл глаза, ощущая жуткую головную боль. Перед глазами всё поплыло. Уши заложило, как будто заплескалась вода. Зажав голову руками, он сильно сдавил уши и резко отпустил. Слух вернулся вовремя. Кто-то несколько раз подряд повторил его имя. Прищурившись на солнце, он пытался разглядеть и понять, что происходит и кто его кличет.

Аккурат возле его ног возвышался высокий широкоплечий беловолосый незнакомец, похожий на строение из кошмара, от которого волнами исходила сила, внушающая страх. Широкие плечи и вся его стать словно были высечены из скалы. Он предпочёл смолчать, в надежде, что Совиний появится и скажет, что делать. Беляй уже был на ногах, недоверчиво и смело смотря в глаза белоголовому.

Незнакомец смотрел сквозь Белая, он точно знал, что это не тот, кто ему нужен. Светло серые глаза остановились на нём, прожигая насквозь. Уголки губ подпрыгнули. Он искал того, кто был ему нужен.

— Сорока, хранитель южных границ леса, — он не спрашивал, он утверждал. — Иди за мной. — Хриплый низкий голос устрасал ещё больше.

Крепче ухватившись за спасительную траву, он поудобней уселся, не собираясь никуда вставать, молясь, чтобы Совиний быстрее оказался рядом. На мгновение даже захотелось закричать и позвать его на помощь, но он сдержался.

Беляй с нескрываемой неприязнью встал между ними и показал корневой жест.

— Изяслав Серый, приветствую тебя, — еле заметный поклон.

О боги, голова закружилась. Перед ним наследник волчьих земель. Он ищет именно его. В голове всё перемешалось. Вскочить и убежать или остаться на месте и со всей силы звать князя.

Пока ураган мыслей не позволял принять ошибочное решение, ситуация накалялась. Изяслав по-волчьи улыбнулся, обнажая красивые белые клыки, не убирая хищного взгляда от Еля.

— Отойди в сторону... — прорычал Изяслав, пуская слюни во все стороны.

Беляй, спокойно глядя в глаза Изяславу, остался на месте, только желваки заиграли на его красивом лице.

Не выдержав, волчий наследник толкнул Белая, намереваясь схватить Сороку за ногу. Но Беляй оказался готов к такому развитию событий. Не дожидаясь, когда до него дотронутся, он отклонил тело назад и сделал шаг в сторону, отчего Изяслав пролетел мимо. Дальше случилось то, что представить в здравом уме никто не мог.

Наследник волчьих земель запнулся об ногу Еля и полетел вперёд, падая лицом в траву и проезжая на благородном пузе добрых три шага.

Предательская нога Еля подскочила к телу, но было слишком поздно. Абсолютно все видели, как Изяслав запнулся об ногу Сороки.

Со всех сторон зашумели крики. Непонятно откуда появилась целая толпа древлян с волчьими пастями на шеях. Они моментально окружили сов, во все глотки крича про нападение на княжича.

Изяслав уже поднялся и оглядывал серую рубаху со свежими следами травы, похожими на раны. Его лицо походило на спелую клюкву, покрытую чистейшим снегом. Дружинники Совиния повскакивали и окружили Еля, готовые в любой момент достать оружие.

Пытаясь провалиться на этом самом месте, Ель поднял глаза к небу. Его взор увлёкся сидевшей на берёзе сорокой, с любопытством смотрящей за происходившим.

— Изяслав, рад тебя видеть, — голос Совиния прозвучал как спасительный раскат грома в душный день.

Изяслав резко обернулся, испуганно лоя глазами Совиния.

— И я приветствую тебя, Совиний, — утрашающая улыбка не сходила с его уст.

— Что здесь происходит, отчего такой шум и почему твои, — при этом Совиний слегка сморщил нос, как будто от них воняло, — волки окружили моих людей?

Изяслав засмеялся своим хриплым голосом, напоминая карканье ворон.

— Твой человек, — и он указал пальцем на Еля, отчего у того мгновенно пересохло во рту, — напал на меня при свидетелях, — голос Изяслава предательски подрагивал.

Какое нападение, о чём говорит этот ужасающий и страшный древлянин? Ему захотелось ничего не понимать, представить, что ничего не было. А у самого, предательски болела нога в том месте, о которое запнулся Изяслав. Отчего стало ещё страшнее, как будто кто-то может почувствовать его боль и всем рассказать, что удар точно был.

Совиний медленно проследил, куда указывает волк, с сожалением понимая, что он указывает на несчастного Еля. Нехороший блеск в глазах князя заставил Еля поёжиться. Он засомневался в бесконечной благосклонности князя.

— Мои люди не нападают, тем более на наследников княжеского стола, — голос совсем не дрогнул, в отличие от Изяслава.

— господин... — попытался сказать Белый, но Совиний жестом его остановил.

— Ты обвиняешь меня во лжи? Я правильно понимаю? — сделал шаг вперёд Изяслав, еле сдерживаясь, чтобы не перейти на крик.

— Ни в коем разе, — всё также спокойно ответил Совиний.

— И как тогда понимать твои слова? — ещё один шаг навстречу.

— Я хочу сказать, что имел место несчастный случай.

Снова раздался хриплый смех, закручивая вокруг своей оси Изяслава, как будто пытавшегося поймать свой собственный волчий хвост.

— Получается, твоё слово против моего... Хм, и кому же поверят? — усмехнулся он, показывая всем видом, что такой расклад его полностью устраивает, из-за численного превосходства волков.

— Получается так. Зачем разносить ссору на всеобщее рассмотрение, когда можно решить проблему старым способом? — предложил Совиний. Ель попытался потихоньку подняться, но ему на руку болезненно наступил Беляй, запрещая встать.

— Отлично! — обрадовался Изяслав. — И что ты выбираешь? — он довольно потирал руки, предчувствуя кровавое развлечение.

— Оставляю это право за тобой, — Ель заметил, как Беляй со всей силы сжал кулаки.

— Как благородно. Тогда не буду томить, я выбираю смертельный поединок, — со всех сторон слышались вздохи. Случилось то, чего одни больше всего боялись услышать, а другие, наоборот, жаждали.

Он должен встать и принять этот бой. Это его нога, это его искал Изяслав, он должен. Но он не может. Ему не хватало смелости. Как ужасно.

— И кого же ты выставишь? — бесстрастно спросил Совиний. Значит, можно выставить кого-то вместо себя. С души упал камень.

— Я не прячусь от драки, — грозно сказал Изяслав. — Предпочитаю сам наказывать виновных.

— Хорошо. От сов выступит Беляй, — он мимолётом взглянул на дружинника, который с гордостью, присущей храбрым древлянам, ударил себя в грудь.

Камень, только что выпавший из его трусливой души, вернулся ещё большим валуном. Беляй ему нравился больше всех. Он бесстрашно встал на его защиту. И теперь должен вступить в смертельный бой по глупой причине.

Изяслав счастливо похлопал в ладоши, радуясь как ребёнок, что ему досталась долгожданная игрушка.

— Отлично, этот лупоглазый мне давно не нравился, — и засмеялся своим противным смехом, продолжая говорить. — А теперь отдайте мне сороку, и завтра на рассвете мы встретимся на берегу Славутича для убийства.

— А вот здесь, Изяслав, я тебе откажу, — Изяслав прекратил скалиться, глаза заблестели от злобы, он не мог выговорить и одного слова, захлёбываясь в собственной злости.

— Отдай... мне... убийцу... — каждое слово было словно плевок в лицо Совиния.

— Он под моей защитой до суда Белого совета. — Изяслав в упор посмотрел на Совиния, подойдя максимально близко, и, не найдя что сказать, прорычал от злости.

— Завтра на рассвете жду твоего пернатого! — Изяслав двинулся прямо на Совиния, в последний момент убирая плечо, чтобы не столкнуться. Вся его свора молча последовала за ним.

Ни на кого не глядя, Совиний приказал всем устроиться в северной комнате и ждать дальнейших указаний.

Ель наконец смог подняться. Нужно было поблагодарить князя и Беляя, но он не мог найти нужных слов. Совиний уже развернулся и первый полез на дерево. Беляй — за ним. Последним, с разбитой душой, взбирался Ель, в это мгновение ненавидящий себя больше всего, за свою слабость и трусость.

Глава 9. Поединок

Всё внутри полыхало, и он еле сдерживал себя. Наглое лицо Изяслава ещё долго всплывало перед его взором. Княжич не походил на отца. Природа подарила ему силу, от этого он горяч и импульсивен. Отец — другой, слабый, оттого хитрый и более опасный. Если они будут всегда действовать заодно, могут доставить много проблем.

Совиний был уверен, что Изяслав пришёл за Елем не по собственной воле. Он действовал по указке отца. Святослав затеял опасную игру, если был готов устроить драку в деревянном городе.

«Чего же он добивается?» Он никогда не поверит, что волчий князь из-за убийства двух древлян пошёл на столь дерзкую и чреватую провокацию в Древограде. Совиний будет играть по их правилам, пока не придёт его время.

Соловиная трель отвлекла от тяжких дум. Он так и не смог заснуть. Внешнее спокойствие дорого даётся.

Ещё с вечера он сообщил Беляю, что пойдут они только вдвоём. Совиний не боялся Изяслава и был уверен, что он не способен причинить ему вреда, по крайней мере сейчас. Остальным ни к чему видеть то, что их ожидало. Либо получится прекратить глупую потеху без крови, либо кровь прольётся. К сожалению, она не может быть волчьей — не сейчас. Беляй, воспринял эту весть, как настоящий витязь, без лишних вопросов и упрёков. Совиния всего передёрнуло: он был по-настоящему зол.

Беляй ожидал внизу, готовый сражаться. Он попытался улыбнуться, увидев князя, но улыбка вышла неестественной, не Беляевской. В груди неприятно сдавило. «Будь они все прокляты».

Шли молча. На смену соловью прилетела парочка дроздов, чтобы проводить их своей грустной песней.

На берегу Славутича их ожидало пятеро волков. Изяслав был серьёзен, нахальной улыбки больше не наблюдалось. «Худой знак», — понял Совиний.

Возле реки было свежо. Где-то поквакивали лягушки. Чуть поодаль плавали утки; один вальдшнеп подглядывал из-за камышей, высунув свой длинный нос.

— Изяслав, я готов лично принести тебе извинения за случившееся. Зачем проливать кровь? — Совиний не оставлял надежды, что он сможет остановить бессмысленный поединок. Беляй удивлённо уставился на князя, всем своим видом выражая несогласие и готовность сражаться и умереть за честь князя.

— Я с радостью приму твои извинения... после того, как убью твою шавку, — он обнажил короткий широкий меч. Сталь ярко блеснула на фоне его безумного лица. Дорогое оружие, оценил Совиний. Отец не поскупился на сына.

Без лишних слов, Изяслав с рыком бросился на Беляя. Его меч с шипящим свистом рассёк воздух в том месте, где только что был витязь Совиния. Он отпрыгнул в сторону, вскочил и вынул свой не самый лучший меч. Красивое лицо напряжено, тело расслаблено. Он был готов.

Изяслав сделал ставку на свою силу и на превосходство оружия. Он принялся наносить удары, один за другим, загоняя Беляя в воды Славутича. Звук от встречи оружия становился глуше, казалось, что ещё один удар и меч Беляя сломается под натиском княжича.

Но Беляй оказался ловчее. Находясь по шиколотку в воде он остановился, прекращая отступать. На очередной мощный удар, летевший ему прямо в голову, он уворачиваясь от лезвия, сделал выпад навстречу к Изяславу, и со всей силой нанёс удар рукоятью меча.

Изяслав согнулся пополам, оглушая свидетелей поединка громогласным криком боли и злобы. В этот момент Беляй мог завершить дело, но он отступил назад к берегу, готовясь к новым атакам.

Совиний с огромным усилием сдерживал себя. Его всего разрывало на части, хотелось броситься и разорвать их всех голыми руками. Такой воин как Беляй, стоил тысячу таких как Изяслав, уповающих только на глупую силу. Но он сжал кулаки до хруста, решение принято, сейчас ему дороже мир и ради этого, он готов пожертвовать даже Беляем. Вмешиваться нельзя.

Послышались чьи-то шаги. Совиний обернулся и почти не удивился, увидев приближающегося Святослава. По пятам за ним бесшумно двигались две тёмные фигуры, завернутые в дырявые балахоны. В руках, чёрных от сажи, сварожичи сжимали костлявыми пальцами два незажжённых факела.

Совиний, не понимая, что здесь делают огнепоклонники, вопросительно уставился на Изяслава. На его лице он прочёл такое же удивление — а скрывать свои эмоции он не умел, значит он тоже был не в курсе.

Беляй, этот храбрый витязь, только что наглядно показав свою смелость, резко побледнел как утренний туман. Сварожичи всегда так действовали на северян.

Немного вперёд выступила худая высокая фигура Святослава. Он боялся отходить далеко от сварожичей.

— Здрав будь, Совиний, потомок достопочтенного Мира, князь Совиграда, — Святослав показал корневой жест. — И ты, княжич Изяслав, сын мой, будь здоров. — Он говорил негромко и, как всегда, сладко, убаюкивая слушателя.

— Здрав будь, Святослав Серый, князь Волколеска, хозяин волчьего бора, — ответил взаимностью Совиний, соблюдая принятые нормы этикета. Изяслав ничего не ответил. Красный от злости, он так и метал молнии из глаз.

— Прослышал я о своре вашей, спешу остановить, дабы не проливалась драгоценная кровь древлян на святую землю, — в голосе зазвучали плаксивые нотки, глаза заблестели от проступивших слёз.

— Зачем привёл сварожичей? — прямо спросил Совиний.

— Дабы помогли вразумить горячие головы — готовый вот-вот разрыдаться, запричитал он.

«Вот что ты задумал, змей ползучий», — сообразил Совиний. Новости о горе-отце, спасшем своего единственного сына от диких северян, только что прибывших в Древоград и сразу устроивших кровавые игрища, пронесутся как ветер. А сварожичей взял с собой для пущей убедительности и конечно безопасности.

Завтра на суде он будет увещевать совет о своём милосердии и взывать к справедливости, тыкая пальцем на Совиния, как на кровожадного древлянина.

Изяслава он использовал вслепую. Отправил забрать Еля, понимая, что Совиний никогда не позволит этому случиться, а горячий нрав Изяслава приведёт к своре. Княжич не способен на тонкую игру, он не способен держать свои эмоции при себе.

— Отец, они... оскорбили меня, твоего сына и наследника, они убили наших людей, — задыхаясь, говорил Изяслав, до сих пор морщась от пропущенного удара. От напряжения его лицо уже было краснее огня, а глаза были готовы лопнуть. Княжич подтвердил догадку Совиния.

— Изяслав, мы прибыли в Древоград, чтобы вершить суд под наблюдением мудрого Перуна, виновный будет обязательно наказан — поучительно ответил Святослав.

— За нанесённое тебе оскорбление, мой сын, мы с радостью примем княжье личное извинение, этого будет довольно — он пытался говорить серьёзно, но его голос подрагивал. Святослав светился, счастливый от своего коварства, вопросительно поглядывая на Совиния.

— Мой князь, не нужно, позволь пролить кровь — зашептал Беляй, до скрипа сжимая кулаки. Совиний одним взглядом заставил замолчать и повесить свою буйную голову. Он не упустит шанс сохранить жизнь хорошему витязю.

— Я буду только рад: мы, северяне, не хотим проливать кровь, — без труда Совиний приступил к требуемым словам: мудрый Святослав и храбрый Изяслав, я прошу у вас прощения, да, не прольётся кровь древлян в это утро — медленно проговорил Совиний, по очереди глядя в бешенные глаза сына и хитрые глаза отца.

— Слава Перуну, — наиграно обрадовался Святослав, — Мы прощаем вас и не держим зла — он демонстративно развернулся, намереваясь покинуть место представления.

В отличие от Святослава, княжич не шевелился. Его взгляд был опущен в землю. Совиний по-настоящему забеспокоился. Если Изяслав кинется, для защиты у него был только кинжал, с которым будет сложно обороняться от меча Изяслава.

— Изяслав?! — в голосе Святослава заиграли иные нотки — тяжёлые и властные.

Княжич с огромным трудом спрятал оружие и побрёл за отцом. Следом за ними потекли остальные волки и удалились сварожичи.

В это самое время, солнце поднималось выше, набирая силу, прогревая землю. От воды шло испарение, в котором блестели солнечные лучики. Вернулось пение соловья и дроздов. Только проснувшиеся камышовки решили не оставаться в стороне, принимаясь подпевать и дополнять песню своими нотами. Вдогонку заквакали лягушки и затрещали кузнечики, разбавляя птичьи голоса, насыщая лесную мелодию.

Глава 10. Суд

Ель заснул, как только устроился поудобней на мягких листьях лопуха. Темнота моментально окутала в свои объятия уставшего Еля.

Когда он открыл глаза, то оказался посередине поля, окутанного густым молочным туманом. Он не мог вспомнить, как здесь очутился, что это за место. Кругом, на равном отдалении, куда бы он ни бросил свой взгляд, стоял густой дремучий лес. Деревья смотрели мрачно и зло. От леса исходил какой-то волнующий гул, пробирающий до костей. Он кружился на месте и боялся сделать шаг.

Из леса появилась сорока. Птица пролетела три круга вокруг Еля и только после этого приземлилась возле его ног, по шее утопая в тумане.

— Хозяин, приветствую тебя, — сорока опустила клюв к земле, исчезая под туманом.

Ель не удивился, что сорока умеет говорить. Место, где он очутился, было именно таким, где животные обязаны разговаривать. Он так чувствовал это место.

— Где? — спросил Ель.

— В месте, где скрыт божий сын, повелитель Божественного леса.

— Я не понимаю — ответил Ель.

Сорока запрыгала вокруг него, выкрикивая во всё горло:

— Он идёт, идёт, идёт! — Птица вспорхнула и улетела.

Он почувствовал одиночество. Ощутил себя единственным в мире, где больше никого не осталось. Но страха не было, и это настораживало. Он должен бояться. Ненормально не бояться.

Он не увидел и не услышал. Ель почувствовал всем телом, всем нутром присутствие кого-то или чего-то. На затылке кожа встала дыбом, как у дикой кошки шерсть. .

Из темноты леса, что-то отделилось. К нему приближалось дерево. Нет, не дерево. И не человек. Высотой в два человеческих роста. Нечто парило над туманом. Поверхность вокруг него мерцала, холодные разноцветные искры разлетались вокруг. Голова закружилось, воздуха стало не хватать.

Невидимая рука схватила его за рубаху и потянула к себе. Сил сопротивляться не было. Ноги беспомощно бороздили землю. Ель попытался схватить невидимую руку, но ничего не вышло. С чего он решил, что там вообще была рука?

Его притянуло к чудищу. Вблизи оно походило на старое гнилое дерево, отдалённо напоминающее фигуру человека. Просматривалась голова, подобие ног и рук и были глаза цвета болота затянутого тонкой зелёной ряской. От существа веяло сыростью и старым духом, как пахнут заброшенные избы.

В этот момент Еля занимало только то, почему он не кричит и не пытается убежать. Чудище было второстепенно, он был занят собственными чувствами, которые отказывались вести себя по-человечески.

В размышления Еля грубо ворвалось чудище. Оно пролезло в его внутренний мир, в его «я», завладело его голосом:

— Лес прогоняет людей, — было странно слышать свой же голос, который использовала иная сущность, не ты.

— Древляне и лес — одно целое, — возразил Ель.

Смех, надрывный, не звучавший десятки лет, заглушил всё вокруг. Вот теперь Елю стало страшно.

— Древляне убили лес. Древляне не справились. Древляне предали богов. Древляне погрязли в своих мелочных людских делах, забыв, что лес — это не данность, это привиле-

гия, о которой нельзя забывать. Древляне проливают свою кровь, оскверняя священные места. Древляне уничтожают лес, а лес стонет, он умоляет прекратить!

— Время людей кончилось. Я, Леший, истинный хозяин леса, и я прогоняю вас!

Тусклые болотные глаза воспламенились, озаряя Еля двумя яркими зелёными лучами. Свет увеличивался, ослепляя нестерпимо ярким и насыщенным зелёным светом, поглощая всё вокруг, не оставляя ничего, кроме выжигающего весь мир, зелёного света. Так продолжалось, пока всё не исчезло, превратившись в успокоительную тьму.

Ель открыл глаза. Потолок избы. В стене небольшое окошко, сквозь которое он увидел синее небо, по которому неторопливо плыли облака, такие пушистые и пухлые, что хотелось разбежаться и прыгнуть их объятия. В облаке будет обязательно мягко и тепло. Ель с удовольствием потянулся, мечтая о купании в облаках.

Кошмар тотчас же забылся, как что-то страшное и несуразное, оставляя после себя неприятное послевкусие. Ель отлично выспался. Силы восполнились. Он как будто помолодел на несколько лет.

За окном — дивный чудный день. Тепло, поют птицы, долетают приглушённые детские радостные крики. Никого вокруг.

В одно мгновение всё прекрасное настроение обрушилось в пропасть, где властвуют боль, переживание и стыд. Как он мог проспать поединок. Почему его не разбудили? Сердце бешено застучало. Он вскочил, не зная, куда бежать, что делать.

На шум пришёл Ясений.

— Здрав будь, Ель Сорока, — совершенно будничным тоном поприветствовал парень Еля, как будто ничего не случилось.

Ель разозлился на бесчувственного Ясения, прикрывая злость на себя.

— Поединок был? Где Беляй, князь? — без приветствия выпалил Ель все вопросы в лицо Ясению.

Левая бровь подскочила вверх. В глазах пробежал холодок. Но во всём остальном он остался неподвижен и с виду спокоен.

— поединок был, все живы, — сухо ответил Ясений, делая слишком длинную паузу между слов.

Не может быть. Ель не поверил услышанному. Наверное, он издевается надо мной. Он ещё больше разозлился на парня, но не мог найти подходящих злых слов, чтобы красиво ответить помощнику Филя.

За худой фигурой Ясения появился совершенно живой и полностью здоровый Беляй.

— Ты чего шумишь, окаянный? — весело спросил Беляй, протискиваясь внутрь, чтобы не задеть парня.

Ель окончательно потерял дар речи, хлопая глазами и ничего не говоря.

— Ну что ты вылупися на меня, — заулыбался витязь. — Пойдём вниз, отведаем местной кухни, я тебе всё подробно расскажу.

Он поманил за собой безмолвного Еля. Тот, к своему стыду, совершенно забыл про Ясения, провожавшего их недобрым взглядом.

На улице стоял очаровательный летний день. Солнце не сильно припекало. Ветерок задувал в лицо цветочные ароматы, делая мир не только красивым, но и вкусным.

Как и положено счастливым дням, он пролетел незаметно, сохраняя о себе ещё тёплые воспоминания. Они ели и болтали, смеялись и просто отдыхали. Беляй рассказал, как появился Святослав и остановил поединок. Упомянул про сварожичей. Попросил не винить себя Еля, что он не присутствовал вместе с ними, потому что князь все равно не взял его бы с собой.

Никто не заметил, как на смену дню пришла ночь. Прикрываясь темнотой, серые тучи незаметно накрыли небо. Ветер, вдоволь отдохнувший за день, принялся разминаться, демонстрируя свою мощь, принося с собой холодные колючие порывы.

Ель готовился ко сну. На рассвете будет суд, о котором он ни разу не вспоминал за прошедший день. Совиний где-то пропадал, не показываясь на глаза.

Ночью снова приснился кошмар. Во сне он вернулся домой, но Любава его не узнала. В её красивых голубых глазах был только страх. Она безмолвно смотрела и не узнавала своего любимого.

Наступило холодное промозглое утро. Хмурое небо, противная холодная морось с ледяным ветром.

Ель, опустошённый и разбитый кошмарной ночью, еле волочил ноги, постоянно спотыкаясь на ровной земле. Обдумывая ночной кошмар, он решил, что перед судом Белого совета ничего другого присниться и не могло.

Он шёл в окружении незнакомых древлян, прибывших, чтобы сопроводить его на место суда. Ель тепло попрощался с Беляем и остальными совами, вышедшими его проводить. Совиния он не видел.

Все внутренние рассуждения были прерваны появившимся ниоткуда капищем, где будет решаться его судьба. На этом самом месте раньше были установлены истуканы Велеса и Мокоши. Здесь проводилось разломное вече, после которого старые истуканы были запрятаны поглубже в лес, освобождая место для Перуна. Сейчас здесь будут судить скромного хранителя леса.

Сквозь неровный строй деревьев разной формы и вида просматривались облачённые в белое члены совета, ожидавшие Еля. К горлу подкатил комок от близости к великому месту, всё тело била непрерываемая противная дрожь.

Он никогда бы не поверил, если бы ему кто-то рассказал, что он окажется судимым Белым советом в капище древлян. Сказавший подобное точно был бы объявлен самым последним глупцом и выдумщиком.

Перед деревьями располагались стражники капища, в кожаных выбеленных доспехах, украшенных изображениями разнообразных животных. Острия копий блестели на фоне тёмного леса.

Сопровождавшие древляне остановились, молча пропуская вперёд виновника сегодняшнего суда. Он смело направился вперёд, навстречу своей судьбе.

Подойдя ближе, стражи загородили путь отработанным жестом, скрестив с звонким щелчком копья. Из-за их спин, вперёд вышел один из стражников, примечательный невероятно длинным носом. Несмотря на серьёзность ситуации, нос позабавил Еля и он еле сдержал улыбку. Направив нос в сторону Еля, незнакомец провозгласил:

— Ель Сорока, совет ожидает тебя. Напоминаю твою святую обязанность перед богами, лесом и всеми древлянами. Не утай, не сокрой, будь честен перед богами и советом, и тебе воздастся по твоим заслугам.

Вся весёлость тутже улетучилась. Страх снова накатил. Во рту мгновенно пересохло. Стражи таким же отработанным движением разомкнули копья, пропуская вперёд.

От неминуемого не спастись, поэтому он сделал длинный шаг и оказался среди деревьев, окружавших со всех сторон. Белый совет исчез, впереди, сзади и со всех сторон — один только лес. Он пошёл вперёд, ступая по мягкой мокрой траве. Но совет не желал появляться. Быть такого не могло, потому что он отчётливо просматривал совет за деревьями, а теперь видел только нескончаемый лес. Не мог же он заблудиться.

Он заволновался, что опоздает на собственный суд, заблудившись у самого входа. Он всё быстрее обходил деревья, почти переходя на бег.

Выглянув из-за очередного дерева, солнце ослепило первыми лучами, лишая зрения. Дальше какие-то трубные звуки загудели со всех сторон, оглушая Еля, заставляя упасть на колени перед невидимыми судьями. Всё было продумано до мелочей, превращая подсудимого в земной сор, валяющийся в ногах у господ.

Наконец звуки оборвались. Он проморгался и смог рассмотреть капище своими глазами. Перед ним простиралась поляна, наполненная всеми возможными цветами. Божественное благоухание сбивало с ног, наполняя ароматами, от которых кругом шла голова. Совет, облачённые во всё белое, восседали на искорёженных пнях, за которыми росли совершенно разные деревья, от ясеня до ели, образуя круг.

Взгляд остановился на одиноком дереве посередине поляны. Дерево было необычно, у него не было коры, оно было полностью белым. Посередине проходил разлом, разделяющий его на две половины. Изнутри — чёрное, снаружи — полностью белое. На раскинутых в стороны ветвях неспеша колыхались листья разнообразных деревьев.

На голове у каждого советника красовался венок. Во всём этом благоухании летало множество птиц, наполняя пространство чарующими звонкими трелями.

Среди совета находился старец, не облачённый в белую рубаху. Он опирался на посох, руки тряслись, во рту чернела пустота. Внешне он напоминал уставшее дерево, не получавшее солнечного света, наклонённое к земле ветрами, но до сих пор крепко держащееся корнями за землю. С другой стороны капища одиноко стоял сварожич.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.